МАТРОСЪ
КОШКА
Шабуръ

МАТРОСЪ

30-го ЧЕРНОМОРСКАГО ЭКИПАЖА

ПЕТРЪ КОШКА

и

ДРУГІЕ ДОБЛЕСТНЫЕ ЗАЩИТНИКИ

СЕВАСТОПОЛЯ.

ИЗДАНІЕ 2-Е.

К. Голохвастова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Т. Ѳ. КУЗИНА.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Іюня 1894 г.

Типографія А. Л. Трунова. Калашн. пр., № 11—13.

МАТРОСЪ ПЕТРЪ КОШКА.

I.

Причина Севастопольской войны.

«Не пострамимъ земли Русскія—ляжемъ ту, костьми, мертвые бо стыда не имутъ»!

Такъ говорилъ знаменитый Великій князь Святославъ, обращаясь къ своей малочисленной дружинѣ, во время своего «сидѣнія» въ Доростокѣ (Силистрія), будучи окруженныхъ со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ греческимъ войскомъ, предводимымъ императоромъ Цимисхіемъ.

И эта небольшая горсть, воодушевленная словами своего знаменитаго полководца и своимъ мужествомъ, стойко выдержала осаду многотысячной греческой арміи и флота, съ его губительнымъ греческимъ огнемъ, чѣмъ и привела своихъ враговъ въ изумленіе, такъ что самъ императоръ, заключивъ съ Святославомъ миръ, лично поспѣшилъ выразить ему свое уваженіе.

То было слишкомъ тысячу лѣтъ назадъ.

Прошли вѣка, много перемѣнъ произошло на Руси, появилась цивилизація, съ ея желѣзными дорогами, телефонами, во всѣхъ мѣстахъ, начиная со столицы и кончая деревней, завелись школы, потомки славянъ давно уже сбросили съ себя прежнюю національную одежду и облачились въ общую европейскую, но сердце русскаго, осталось прежнимъ, и одинаково бьется, какъ прежде подъ тяжелой кольчугой Святослава-воина, такъ и теперь подъ фракомъ или «спинжакомъ».

Никогда не измѣнится славянская натура, какъ ею не верти, по прежнему она останется преданною вѣрѣ отцовъ своихъ царямъ и своей матушкѣ родной землѣ, что и доказываютъ послѣднія войны нынѣшняго столѣтія: Кавказъ, Севастополь, Плевна, Балканы и иные!

Вотъ о такихъ геройхъ, я и поведу рѣчь, въ цѣломъ ряду разсказовъ. Разсказывалъ я про Архипа Осипова, теперь пришла очередь вспомнить и про извѣстнаго матроса Кошку, а съ нимъ и о другихъ удальцахъ, оказавшихъ на ряду съ львиною храбростью рѣдкіе примѣры истинно христіанской любви къ ближнему и великодушія.

Французскимъ императоромъ въ то время (1853 г.), былъ племянникъ Наполеона I, извѣстнаго своимъ нашествіемъ на Русь, въ 1812 году, Наполеонъ III-й.

Успѣхи русскаго оружія въ Азіи возбудили во французахъ и ихъ союзникахъ англичанахъ, зависть, въ особенности въ англичанахъ, которыя начали сильно опасаться за свои Азіятскія владѣнія, почти смежныя съ нашими.

Какъ французы, такъ и англичане, желая отвлечь наши силы отъ Азіи, начали подстрекать турецкаго султана, чтобы онъ началъ противъ русскихъ непріятельскія дѣйствія, обѣщая ему за это свою помощь.

Турки ужъ не разъ до того времени испытывали надъ собою силу русскаго оружія и еще недавно, 1829 году, султанъ, подписавшій миръ «на вѣчныя времена», внимая подстрекательствамъ союзниковъ, послѣ нѣкотораго хотя колебанія, началъ постепенно нарушать прежніе съ нами договоры. Возобновились обычныя дѣйствія турокъ: притѣсненія православныхъ въ ихъ владѣніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Іерусалимѣ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ, желая справедливо и миролюбиво уладить это дѣло, послалъ въ Константинополь адмирала князя Меньшикова для

окончанія съ султаномъ всѣхъ этихъ недоразумѣній, при чемъ посолъ предъявилъ ему слѣдующія наши вполнѣ законныя требованія:

1) Чтобы православное вѣроисповѣданіе на всемъ Востокѣ пользовалось нерушимой защитой султана, какъ было издревле.

2) По обѣщанію султана, возобновить куполъ на храмѣ Гроба Господня въ Іерусалимѣ и сохранить православнымъ всѣ права со всѣми прочими христіанскими исповѣданіями.

3) Разрѣшить постройку, православнаго храма въ Іерусалимѣ и пріюта для бѣдныхъ и больныхъ богомольцевъ. Всѣ эти требованія были настолько скромны, что султанъ былъ готовъ исполнить ихъ, но такъ какъ французамъ и англичанамъ непремѣнно хотѣлось войны, то они, чтобы принудить къ этому султана, послали на турецкія воды двѣ свои эскадры.

Тогда Николай Павловичъ видя, что требованія его не исполняются, повелѣлъ Высочайшимъ манифестомъ своимъ войскамъ занять для вразумленія турокъ, Молдавію и Валахію, но только съ тѣмъ, чтобы не начинать пока военныхъ дѣйствій. Но эта мѣра, ни къ чему не привела. Подъ вліяніемъ домогательствъ союз-

никовъ, султанъ собралъ верховный совѣтъ (по ихнему Диванъ), въ которомъ участвовало 280 совѣтниковъ и правителей, и послѣ оживленныхъ споровъ, шерифъ торжественно провозгласилъ: «Да сдѣлаетъ Аллахъ, мечъ султана острымъ»! И война была объявлена.

На это императоръ Николай отвѣтилъ Высочайшимъ Манифестомъ своему вѣрноподданному народу, заключительныя слова котораго я здѣсь привожу:

«Россія вызвана на брань, ей остается, возложивъ упованія на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія.

«Мы твердо убѣждены, что наши вѣрноподданные соединятъ съ нами теплые мольбы ко Всевышнему: да благословитъ десница Его оружіе, нами поднятое за святое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ благочестивыхъ предкахъ. На Тя, Господи уповахомъ, да непостыдимся во вѣки!»

Но до обнародованія этого Манифеста, начались уже военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ.

Дѣло началось съ того, что 15 октября огромное скопище турокъ, напало на нашъ пограничный постъ св. Николая, охраняемый четырьмя сотнями гарнизона, изъ которыхъ 300 погибли, а остальные, видя,

что имъ не устоять противъ многочисленной вражеской силы, сожгли свои запасы и кинулись на пробой сквозь турецкія толпы.

Послѣ этого неровнаго боя, остались въ живыхъ только 24 человѣка, на половину израненыхъ и внесшихъ только свой значекъ. Остальные со своими женами и дѣтьми полегли на мѣстѣ. Въ числѣ перерѣзанныхъ, былъ и священнослужитель іеромонахъ Серафимъ, павшій въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ.

До этого кроваваго событія, въ Европѣ думали, что все какъ нибудь обойдется и не совсѣмъ вѣрили въ неизбѣжность войны, да и союзники опомнятся отъ своего безумнаго намѣренія помогать притѣснителямъ христіанъ, но русская кровь была пролита и вся Россія вздрогнула отъ негодованія.

Война началась.

Первымъ началъ работу нашъ славный Черноморскій флотъ. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ дѣлъ, эскадра Нахимова уничтожила турецкій флотъ подъ Синопомъ, а сухопутныя наши войска громили турокъ за Дунаемъ и въ Малой Азіи.

До 1854 года, война шла только съ одними турками, которымъ уже приходилось довольно не сладко, но вмѣшались французы и англичане.

Наполеонъ III разсудилъ, что его знаменитый дядя, Наполеонъ I-й Бонапартъ, вступая въ предѣлы Россіи съ одной только стороны, т. е. съ западной границы, поступилъ неправильно! Послѣдствія этой неправильности были таковы, что всю его разноязычную армію выгнали изъ Москвы и по морозу проводили его по свойски.

Однимъ словомъ великій полководецъ сдѣлалъ крупную ошибку, и его менѣе знаменитый племянникъ рѣшилъ исправить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отомстить и за двѣнадцатый годъ!—Вотъ почему, союзники порѣшили напасть на Россію сразу, со всѣхъ сторонъ. Для этого, довольно многочисленная часть союзнаго флота направилась въ Балтійское море, подъ крѣпости Кронштадтъ и Свеаборгъ.

По Свеаборгу непріятель открылъ такую канонаду, что ядра и бомбы сыпались въ крѣпость дождемъ и произошелъ даже такой невѣроятно рѣдкій случай: одно непріятельское ядро попало въ каналъ нашего орудія и засѣло въ немъ.

Но бомбардированіе это было неудачнымъ: флотъ отступилъ и направился къ Аландскимъ островамъ. Тамъ только удалось взорвать имъ укрѣпленные казармы, послѣ чего, адмиралъ Непиръ, командующій этимъ флотомъ, объявилъ своимъ со-

отечественникамъ, что непремѣнно будетъ завтракать въ Кронштадтѣ и обѣдать въ Петербургѣ.

Но самохвальство такъ и осталось самохвальствомъ: — простоявъ понапрасну нѣкоторое время около нашей твердыни, флотъ направился прибрежіями Финскаго залива, громя изъ своихъ орудій, виднѣвшіяся у береговъ деревни.

Впрочемъ, Непиру неудалось воспользоваться трофеемъ этой побѣды и онъ принужденъ былъ удалиться во свояси.

Другая небольшая союзная флотилія, направилась въ Бѣлое море, прямо къ Соловецкому монастырю.

Подойдя къ обители, командиръ флотиліи потребовалъ отъ монаховъ покорности и немедленной сдачи. Но не испугались врага святые отцы, и отвѣтивъ:«Не быти по сему» и надѣясь на Божію помощь, приготовились къ защитѣ.

Всей боевой силы въ монастырѣ было немного: маленькій гарнизонъ, чуть ли не изъ одной роты сами монашествующіе и артиллерія, состоящая изъ четырехъ малогодныхъ къ употребленію старинныхъ пушекъ.

Средствъ для защиты было очень мало, но Господь защитилъ хранимую имъ обитель, и непріятель послѣ неудачной бом-

бардировки, потерпѣвъ пораженіе, принужденъ былъ удалиться.

Но еще большая неудача постигла третью союзную флотилію въ далекой Сибири.

Подступивъ подъ Петропавловскую крѣпость, флотилія попробовала бомбардировать ее, но отступила съ большимъ урономъ, захвативъ съ собою въ плѣнъ матроса Удалова.—Но и этотъ, единственный плѣнникъ, не захотѣлъ пережить своего позора, и на пути въ Лондонъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросился черезъ бортъ въ море!

И такъ, походы союзниковъ на наши прибрежныя границы окончились полнѣйшею неудачею, но за то, на Крымъ двинулась огромная непріятельская сила.

То былъ огромный флотъ, состоящій изъ 400 военныхъ судовъ, влекущій за собою барки и плоты переполненные сухопутными войсками.

Вся эта армія, въ количествѣ 70,000, съ громадной артиллеріей двигалась по-направленію къ г. Евпаторіи.

Далеко впереди, верстъ на 14 въ ширь и глубь, двигался безконечный лѣсъ мачтъ, шелестя на тихомъ южномъ воздухѣ, своими флагами и вымпелами. Затѣмъ выравнился онъ въ длинную, линію, немного пониже Евпаторіи, противъ селенія Кангу-

ганъ, дохнулъ клубами бѣлаго дыма и паровъ, и черезъ минуту воздухъ застоналъ отъ гула огромныхъ морскихъ орудій и первыя ядра съ визгомъ и воемъ полетѣли на нашъ берегъ.

То непріятель обстрѣливалъ берегъ, чтобы удобнѣе высадить свои войска.

Перекрестился русскій богатырь, и невольно произнесъ послѣднія слова Манифеста:

«На Тя, Господи уповахомъ, да непостыдимся во вѣки!»

II.

Сиротка Даша.

Еще одна такая побѣда—и у моей королевы не будетъ арміи!

Такъ воскликнулъ герцогъ Кембриджскій, племянникъ англійской королевы, обозрѣвая поле сраженія на рѣкѣ Альмѣ. Верхомъ на своемъ боевомъ конѣ этотъ извѣстный полководецъ съ злобою на сердцѣ окидывалъ взглядомъ необозримыя поля у р. Альмы, усѣянныя словно яркими цвѣтами, трупами англичанъ въ красныхъ мундирахъ.

Союзники побѣдили! Но во что вскочила имъ эта побѣда?

Наша пѣхота, малочисленная въ сравненіи съ союзными войсками, и далеко уступающая имъ своимъ вооруженіемъ, шагъ за шагомъ отстаивала каждую пядь своей родной земли.

Не будемъ говорить о подробностяхъ этого дѣла, такъ какъ цѣль этой книжки совсѣмъ иная, но только упомянемъ, что альминское дѣло, стоило намъ болѣе 5,000 человѣкъ выбывшихъ изъ строя убитыми и ранеными, а союзникамъ обошлось потеря въ 4,000 человѣкъ.

Сравнительно малую потерю непріятеля можно объяснить тѣмъ, что у нихъ съ артилеріею, было вдвое больше чѣмъ насъ, слѣдовательно, нашимъ войскамъ, (приходилось нашему солдату бороться одному противъ двоихъ), надо было бы потерять 8,000 или имъ въ двѣ съ половиною, а потери наши почти одинаковы.

Много отличились въ этой битвѣ полки: Тарутинскій, Бородинскій, Владимірскій и Казанскій, Минскій и Московскій, дѣйствовавшіе своимъ фронтомъ съ такимъ мужествомъ, выше какого и ожидать было невозможно. Много способствовали своимъ примѣромъ и ихъ храбрые начальники. Такъ, напримѣръ, у генерала Горчакова 2

бывшаго всегда впереди, было убито подрядъ двѣ лошади и у самого его шинель была вся простр҃ѣлена. Много было убито нашихъ полковниковъ, капитановъ, а также офицеровъ, дравшихся въ рядахъ со своими солдатами какъ львы. Много пострадала и наша артиллерія, у которой перебита была вся прислуга и лошади, и солдаты на себѣ вывозили орудія.

Въ самомъ началѣ этого знаменитаго сраженія, рано утромъ изъ Севастополя двигалась небольшая лошаденка, по бокамъ которой висѣли двѣ корзины, изъ которыхъ выглядывали: боченокъ, горлышки бутылокъ и еще какія-то свертки.

На этой же лошадкѣ верхомъ, ѣхалъ довольно красивый мальчикъ, въ бѣлой фуражкѣ, въ матросскомъ бушлатикѣ, надѣтомъ очевидно съ чужого плеча, такъ какъ онъ былъ широкъ для него и въ штаны изъ толстаго солдатскаго сукна, вправленные въ высокіе голенищи сапогъ.

Вдали слышенъ былъ грохотъ начинающагося боя и на горизонтѣ подымались клубы не то облаковъ, не то дыма.

По дорогѣ его нагоняли конныя и пѣшія войска, спешившія на Альму, къ мѣсту побоища. Держась края дороги,

мальчикъ будто незамѣчалъ ихъ, задумчиво устремивъ свои голубые, свѣтящіеся добротою и далеко не дѣтскимъ умомъ глаза, въ морскую даль, въ которой виднѣлся темный лѣсъ мачтъ вражескаго флота.

— Гляди ребята!—острили пѣхотинцы, глядя на ѣхавшаго матросика,—морская кавалерія въ аріергардѣ!

Мальчикъ не отвѣчалъ ничего, и только съ добродушнымъ любопытствомъ, оглядывалъ загорѣлыя лица усачей пѣхотинцевъ.

То шли мимо его герои Олтеницы и Четати, смуглые отъ южнаго солнца съ подобранными за поясъ шинелями и съ касками на головахъ.

И шли они подымая ногами цѣлыя тучи пыли, батальонъ за батальономъ, шелестя въ воздухѣ своими прострѣленными въ прежнихъ бояхъ знаменами и жолнерными значками. Ѣхали впереди ихъ, покачиваясь слегка на своихъ сѣдлахъ, командиры, давно уже покинувшіе свои семейства, среди которыхъ имъ такъ было хорошо.

— Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!.. —слышится гдѣ-то далеко позади, и этотъ возгласъ, сопровождаемый грохотомъ барабановъ и звуками музыки, становится все ближе и ближе.

— Здорово молодцы!—послышался позади мальчика, чей-то мощный возгласъ.

Снова раздалось громкое «здравіе желаемъ». Татарская лошаденка подъ матросикомъ испугалась и шарахнувшись въ сторону, чуть не угодила въ канаву, со своимъ всадникомъ.

Мальчикъ поспѣшилъ соскочить на землю и отвести ее въ сторону. И было во время: мимо его пронесся вскачъ, сѣдой генералъ въ сопровожденіи многочисленной свиты.

Онъ узналъ его. То былъ главнокомандующій князь Меньшиковъ.

Вотъ и мѣсто битвы.

Мальчикъ невольно остановился и загляделся на невиданное имъ до сей поры зрѣлище.

Въ дали на огромномъ пространствѣ, переполненномъ дымомъ, грохотали орудія и трещала ружейная перестрѣлка. Казалось, что это былъ огромный котелъ, на которомъ все кипѣло.

Лицо мальчика поблѣднѣло, и сердце его забилось подъ сѣрымъ матроскимъ бушлатомъ. Онъ видѣлъ среди дыма массы людей, конныхъ и пѣшихъ устремлявшихся съ бѣшеной отвагой другъ на друга; сосѣднія высоты тоже дымились, изрыгая изъ своихъ орудій кучи ядеръ.

— О, Боже,—прошепталъ онъ,—сколько страданій.

Вдругъ слышитъ онъ, что то съ шумомъ пронеслось надъ его головою, и угодило прямо въ стволъ какого то дерева, переломило его верхушку и затѣмъ плюхнулось въ траву.

— Бомба, братцы, бомба!—слышались голоса, и нѣсколько идущихъ людей, бросились въ стороны.

— Бомба!..—подумалъ мальчуганъ, соскочивъ съ лошади.

Но, не успѣлъ онъ схватиться за уздцы, какъ раздался оглушительный взрывъ, и онъ услышалъ, какъ мимо его ушей прожужжало нѣсколько осколковъ, не причинивъ ему, между прочимъ, никакого вреда.

— Тутъ опасно,—подумалъ онъ, удерживая испугавшуюся лошадь.—Надо бы подальше куда нибудь.

Взявъ лошадь за уздѣчку онъ повелъ ее назадъ.

— Охъ братцы! послышался чей то стонущій голосъ.

— Ишь вѣдь, зацѣпила таки бормотали солдаты проходя мимо.

Въ другомъ мѣстѣ опять стонъ послышался. Видно зацѣпила [illegible] а двоихъ, а можетъ и больше.

Рос. Историч. Научн. Б-ка
№ .....
„.....“ ..... 193 г.

— Братцы! заговорилъ вдруг̀ъ мальчикъ очутившись около раненаго. Отнесите ихъ вонъ туда. Ради Бога прошу васъ!

Въ голосѣ его и въ прекрасныхъ глазахъ было столько мольбы, что нѣсколько человѣкъ поспѣшили поднять раненыхъ и отнести подъ кустъ, гдѣ мальчикъ съ лихорадочной торопливостью, привязывалъ уже свою коняку.

— Что ты хочешь дѣлать съ ними? — спросилъ одинъ изъ солдатъ, помогая поудобнѣе положить раненаго.

— Идите съ Богомъ, я ужъ какъ нибудь сама... Самъ управлюсь,—поправился вдругъ мальчикъ, замѣтно смутившись.

Солдаты незамѣтили этой легкой ошибки и, взваливъ на плеча ружья, пошли догонять свою роту.

Снять съ лошади корзину, вынуть изъ нея боченокъ и небрежно бросить на траву, затѣмъ вынуть свертки было дѣло одной минуты.

Одинъ изъ раненыхъ все еще стоналъ, а другой уже лишился чувствъ.

— Не умеръ ли онъ?—подумалъ мальчикъ, замѣтя, что затылокъ послѣдняго былъ въ крови.

Надо было непремѣнно привести его въ чувство. Быстро снявъ свой бушлатъ и засучивъ выше локтя рукава, мальчикъ

вынулъ изъ корзины кувшинъ съ водой и чашку; откупоривъ пробку кувшина, налилъ въ нее воды и началъ быстро промывать рану.

Къ радости мальчика, осколокъ содралъ только кожу съ волосами, не повредивъ черепа, и потому рана не была опасна, и явилась надежда, что солдатъ будетъ живъ.

Обложивъ голову его корпіею и умѣло перевязавъ ее бинтами, этотъ молодой фельдшеръ, поспѣшно нацѣдивъ въ стаканъ спирту, влилъ нѣсколько капель ему въ ротъ.

— Живъ! Ну хорошо... Теперь перейдемъ къ другому... Гдѣ у тебя задѣло?— обратился онъ ко второму раненому.

— Охъ!.. вотъ тутъ...—стоналъ онъ, указывая на правый бокъ.—Страсть какъ садануло... Дыхнуть даже трудно...

— Сейчасъ... Повернись—вотъ такъ.

Нужно было снять мундиръ.

Но какъ-же его снять, если человѣкъ шевельнуться не можетъ.

Вопросъ разрѣшился, впрочемъ, скоро и, не долго думая, мульчуганъ взялъ въ руки ножъ; не жалѣя казеннаго мундира, распоролъ его такъ, гдѣ было необходимо, и разрѣзалъ бѣлье.

— Ишь, какъ течетъ, и не остано-

вить...—бормоталъ мальчикъ, причемъ его красивое, съ женскимъ профилемъ лицо сдѣлалось озабоченнымъ...—Потерпи землякъ, я сейчасъ промою, а потомъ корпію туда воткну.

Опять началась работа... Нѣжныя бѣлыя руки дѣятельно и торопливо обмывали рану, причемъ воротъ сорочки у мальчика разстегнулся, что тотъ не замѣтилъ, но зато получившій облегченіе раненый замѣтилъ бѣлую дѣвичью грудь.

— Охъ, матушка!—заговорилъ солдатъ, послѣ сдѣланной ему перевязки.—Спасибо тебѣ... Это Ангела послалъ Господь на утѣху нашу.

— Ты можешъ, встать теперь?—спросилъ «мальчикъ», съ смущеннымъ видомъ, застегивая воротъ рубашки.

— Трудно, но попробую.

— Ты выпей немного водки... Бодрѣе будешь. У тебя не много кожу содрало, съ мясомъ и крови порядочно вышло... Дойдешь до лазарета, тамъ докторъ все какъ рукой сыметъ.

Говоря, это мальчикъ, или какъ читатель догадался, дѣвушка, наливъ чарку, поднесла ее къ своему паціенту.

Солдатъ выпивъ, почувствовалъ себя бодрѣе, и хотя съ трудомъ поднялся на ноги.

— Спасибо, тебѣ, благодарю...—говорилъ онъ, глядя на свою избавительницу со слезами на глазахъ;—не ты бы, я можетъ быть, и кровью истекъ... Скажи мнѣ, за кого Бога молить, чье имя поминать?

— Коли пойдешь и увидишь, что нетъ раненыхъ посылай прямо сюда,—проговорила дѣвушка, избѣгая прямого отвѣта.

Но солдатъ, неотступно просилъ, сказать ему свое имя.

— Дарья, — сказала она наконецъ. — Но только ради Бога не говори ни кому, что я не мужчина...

— Исполню твою волю... Никому не скажу... Но пока живъ буду, не забуду въ молитвахъ моихъ...

И солдатъ, опираясь на ружье, съ легкимъ стономъ поплелся къ перевязочному пункту.

Дарья, принявъ мѣры, чтобы не узнали ея пола, снова наклонилась надъ раненымъ съ перевязанной головой. Затѣмъ успокоивъ его, она снова обратила вниманіе на все болѣе и болѣе усиливающееся побоище.

Она глядѣла не на то, какъ вдали куча всадниковъ въ красныхъ мундирахъ (англійская кавалерія) врѣзалась въ ко-

лонну сѣрыхъ пѣхотинцевъ... и какъ пѣхотное карре, задымившись отъ сильныхъ залповъ, отразила отъ себя этотъ натискъ... Ее это не интересовало.

Она только видѣла одно, что масса раненыхъ, которыхъ или несли на носилкахъ или сами кое-какъ брели, двигались все стороною помимо избраннаго ею перевязочнаго пункта.

— Не на пути я стала!—подумала она сокрушенно.—Мнѣ слѣдовало взять лѣвѣе... Но какже этого я оставлю?

Вотъ видитъ она, двое солдатъ съ касками сдвинутыми со лба на затылокъ, тащатъ на ружьяхъ раненаго...

— Сюда! Сюда!—крикнула Дарья, махая своей бѣлой фуражкой.

Солдаты не слышали и продолжали свой путь. Дарья побѣжала къ нимъ.

— Вонъ, туда несите, туда,—кричала она, еле переводя духъ отъ быстраго бѣга.

— Нѣшто тамъ дохтуръ?—освѣдомился одинъ изъ несшихъ.

— Да, да, тамъ... несите скорѣе!

Солдаты послѣдовали за нею, и опять началась у Дарьи работа?

Вскорѣ и всѣ запримѣтили у того кустика кляченку худую, а около мальчика въ бѣлой фуражкѣ,—разложившаго

вокругъ себя свою не хитрую аптечку, и поползло, да заковыляло туда со всѣхъ сторонъ изувѣченное, да порубленное вражескими саблями наше воинство.

Съ засученными по локоть рукавами, съ разгорѣвшимся отъ хлопотъ и жары красивымъ лицомъ, хлопоталъ проворный мальчишка, суетясь среди болѣе и болѣе прибывавшихъ страдальцевъ. Безъ устали, перевязывалъ онъ горячія раны, нацѣживалъ изъ боченка чарку вина и подносилъ къ запекшимся губамъ раненаго.

Изумленно глядѣли на него суровые усачи гренадеры и каждый, глядя на колыхавшуюся подъ его рубашкой высокую грудь и откидывающуюся по временамъ отъ усталости прекрасную головку, угадывали въ немъ что то женское.

— А то Господь Ангела послалъ съ престола своего, намъ на утѣшеніе—говорили они.

Но кто была эта, принявшая на себя такой повидимому непосильный трудъ, и передъ подвигомъ которой могло бы преклониться все человѣчество?

Въ Севастополѣ, въ такъ называемой Сухой Балкѣ, въ ветхой небольшой лачужкѣ жила эта дѣвочка, извѣстная каждому городскому жителю подъ именемъ сиротки Даши.

Съ малыхъ лѣтъ лишилась она отца черноморскаго моряка и матери, послѣ которыхъ лачужка эта досталась ей по наслѣдству.

Росла и хорошѣла Даша подъ попеченіемъ женъ матросскихъ, а выросши она брала на себя посильную работу на офицеровъ и на «дядюшекъ», какъ она называла старыхъ сослуживцевъ своего покойнаго отца.

Кто знаетъ, можетъ быть, и весь вѣкъ прожила Даша въ своемъ уединенномъ домикѣ за вѣчнымъ своимъ шитьемъ, да штопаніемъ, можетъ быть и замужъ бы вышла за какого-нибудь матроса, и никто бы не зналъ о существованіи Дарьи Александровой.

До той поры жила она подъ общими попеченіями довольно счастливо, и ни за что не промѣняла бы своей лачуги даже на палаты бѣлокаменныя, но вотъ пронеслась вѣсть о приближеніи враговъ, и словно со дна моря выросъ цѣлый лѣсъ мачтъ союзнаго флота!

И узнавъ, что ея «дядюшки», т. е. весь гарнизонъ и морскія команды получили приказъ выступать на защиту Севастополя, Даша почувствовала, что и въ ней забилось отцовское наслѣдіе—богатырское сердце Черноморца.

Захотѣлось и ей послужить святому дѣлу, но... На что можетъ быть пригодна она, полуразвившаяся дѣвушка?... Вѣдь не изъ пушекъ же ей палить и на врага со штыкомъ идти?

И видно внушилъ ей Господь мысль великую:

Не долго думая, бросила она избенку отцовскую, продала всю свою рухлядь, а на вырученныя деньги купила старую клячу, да боченокъ спирту, нащипала корпіи сколько могла и наполнила ею двѣ корзины; въ аптекѣ накупила разныхъ примочекъ, мазей, пластырей и другихъ необходимыхъ лекарствъ, достала у дядюшекъ старый матросскій бушлатъ, бѣлую фуражку и прочее, платье и, переодѣвшись, двинулась туда, гдѣ лилась уже кровь православныхъ въ защиту Русской земли!

Кончилась битва.

Усталая Дарьюшка, отправивъ послѣдняго раненаго, еле держась на ногахъ отъ усталости, но за то довольная успѣхомъ своего дѣла, собрала свой «Лазаретъ» въ корзины и двинулась далѣе, вслѣдъ за отступающими войсками къ Качскимъ высотамъ, и на другой день, снова возобновила свою дѣятельность.

Вскорѣ узнала про Дарьюшку вся армія! Много потомъ еще присоединилось

къ ней другихъ женщинъ и дѣвушекъ, и съ помощью ихъ еще усерднѣе заработала Дарьюшка.

Узналъ объ ней въ далекомъ Питерѣ и Самъ Государь, и прислалъ ей медаль золотую, а Сама Царица пожаловала ей золотой крестъ, съ надписью: «Севастополь», всѣ старослужащіе поднесли ей Икону Спасителя, какъ знакъ, во имя кого послужила она своимъ братьямъ.

Итакъ, читатель, надѣюсь не посѣтуете на меня за то, что я познакомилъ васъ *съ первой сестрой милосердія.*

III.

Дальнѣйшія событія.

Не наше дѣло судить, почему мы проиграли сраженіе при р. Альмѣ, но эта дорого стоющая побѣда дала возможность укрѣпиться на нашихъ берегахъ.

Въ 7 часовъ вечера, по Севастополю пронеслась смутная вѣсть объ отступленіи нашей арміи, а въ 9 часовъ вечера прискакалъ курьеръ къ адмиралу Корнилову съ печальною вѣстью, что сраженіе проиграно и войска наши отступаютъ.

Тогда адмиралъ Корниловъ, собралъ

на совѣщаніе другихъ адмираловъ и капитановъ кораблей и произнесъ имъ слѣдующую рѣчь;

— Армія наша дралась храбро, но потерпѣла пораженіе; непріятель идетъ на Севастополь: флотъ его можетъ сжечь въ бухтѣ наши карабли. Предлагаю! всему нашему флоту выйти въ море, напасть на непріятельскій флотъ и стараться разбить его, а при неудачѣ, схватиться на абордажъ, т. е. сцѣпиться съ самыми сильными непріятельскими кораблями и взорваться на воздухъ! Этимъ мы спасемъ армію и Севастополь!

Но тутъ всталъ герой Синопа адмиралъ Нахимовъ, который въ своей рѣчи выразилъ невозможность борьбы 14-ти кораблей съ флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ.

Послѣ Нахимова, говорилъ капитанъ Зоринъ, выразившій необходимость затопить корабли на фарватерѣ, но Корниловъ не раздѣлялъ этого мнѣнія.

Объ этомъ совѣщаніи, было доложено главнокомандующему князю Меньшикову, который, согласившись съ послѣднимъ мнѣніемъ, пригласилъ Корнилова привести его въ исполненіе, т. е. преградить входъ въ рейдъ затопленными кораблями...

Тяжело было выслушать такое вызванное крайнею необходимостью приказаніе

его свѣтлости, жаль ему было этихъ кораблей, съ которыми онъ молодецки еще недавно рыскалъ по волнамъ Чернаго моря, громя турецкій флотъ!

Жаль ему было разстаться съ этими грозными деревянными богатырями обреченными къ славной гибели, среди которыхъ былъ и славный герой Синопа корабль «Три Святителя». Жаль ему было настолько ихъ, что онъ рѣшился отвѣчать Главнокомандующему, что онъ, Вице-адмиралъ и генералъ-адъютантъ, не можетъ привести въ исполненіе эту мѣру, считая оную самоубійствомъ.

— Ну такъ отправляйтесь въ Николаевъ, а я поручу это Станюковичу,—отвѣтилъ князь *).

Корниловъ остался и исполнилъ волю его свѣтлости.

Къ разсвѣту 11-го сентября входъ въ бухту, былъ загражденъ пятью затопленными кораблями и двумя фрегатами.

Дѣятельно начали готовиться Севастопольцы къ защитѣ. Подъ указаніемъ храбраго и искуснаго инженера Эдуарда Ивановича Тотлебена, принялись въ особенности укрѣплять южную сторону Севастополя. День и ночь кипѣла работа, въ которой принимали дѣятельное участіе

*) *А. П. Хрущовъ.* Записки объ оборонѣ Севастополя.

женщины и даже дѣти, таскавшія въ подолахъ своихъ рубашенокъ землю. Матросы волокомъ тащили снятыя съ потопленныхъ кораблей орудія и утверждали ихъ на батареяхъ, саперы прорѣзывали въ насыпяхъ амбразуры. Такъ росъ грозный Севастополь не по днямъ, а по часамъ, подобно мощному богатырю, готовый до послѣдняго издыханія отстаивать себя отъ иноземной вражеской силы!

О, еслибы всталъ изъ земли старый витязь Святославъ и взглянулъ на потомковъ своихъ славныхъ дружинниковъ... Онъ увидалъ бы, что и тысяча лѣтъ не измѣнила славянской удали!

За это время, пока укрѣплялась южная сторона Севастополя, французы и англичане хозяйничали по всему прибрежію Чернаго моря.

Б емъ говорить короче.

На другой день послѣ того, когда наши суда были потоплены, французы съ удивленіемъ увидѣли, что бывшіе наканунѣ въ рейдѣ суда вдругъ исчезли и входъ черезъ него, повидимому, оставался свободнымъ... Но это имъ такъ казалось, потому что поверхъ воды выглядывали концы мачтъ затопленныхъ судовъ. Тогда только поняли изумленные враги, что тутъ,

повидимому, творится, что-то не совсѣмъ ладное.

Теперь французскій главнокомандующій предполагавшій атаковать сперва сѣверную сторону, измѣнилъ свой планъ и, давъ отдохнуть войскамъ на Бельбекѣ, направилъ ихъ черезъ Мекензіевъ лѣсъ и Черную рѣчку къ южной сторонѣ, которая въ то время была еще совсѣмъ не укрѣплена.

Французы заняли собою Федюхины горы, остановившись тамъ на бивуакахъ, а англичане заняли Балаклаву.

Но какъ они ее заняли?

Вотъ какъ: Подъ самой Балаклавой, англійскій авангардъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ и гранатами. Англичане торопливо выстроились въ боевой порядокъ и въ тоже время 20 судовъ *) ихъ вытянулись передъ Балаклавой— и съ моря и съ суши открылась канонада по городу.

Вся эта многотысячная армія громила хижины и развалины, и, замѣтя, что никто уже больше оттуда не стрѣляетъ, доблестные Джонъ-Були, съ громкимъ крикомъ ура бросились «въ штыки», безпрепят-

---

*) Свѣдѣнія эти, какъ и многіе другія, заимствованы изъ «Исторіи обороны Севастополя ген. Хрущова», изъ «Бѣсѣдъ о Севастопольской оборонѣ Л. Погосскаго» и другихъ.

ственно вошли въ городъ и возстановили въ немъ свое побѣдоносное знамя!

Побѣда полная! Ура!... Но однако, гдѣ-же непріятель?

Пошли побѣдители искать «непріятеля». нашли и почесали только свои затылки...

Балаклавскимъ гарнизономъ оказался (замѣтьте, противъ нѣсколькихъ тысячъ арміи и флота)! 60 человѣкъ изнуренныхъ ранами и болѣзнями грековъ, 30 человѣкъ отставныхъ солдатъ и 4 полупудовыхъ мортирки вотъ и вся сила, которую побѣдила Британская армія!

— Неужели вы думали остановить собою цѣлую армію,—накинулся англійскій начальникъ на командующаго гарнизономъ капитана Стамати.

— Мы думали и только думаемъ объ исполненіи своего долга!—отвѣтилъ капитанъ.

О такихъ «побѣдахъ» даже и въ Лондонъ сообщать казалось было бы совѣстно, но телеграмма помчалась туда и возбудила восторгъ тамошней публики...

Наконецъ, въ Севастополь для подкрѣпленія начали прибывать полки: Московскій, Бородинскій, сотня казаковъ и одна батарея.

Прибылъ и казачій, наказной атаманъ Хомутовъ съ отрядомъ изъ 17 дивизіи а

за нимъ пришли еще невиданные въ Севастополѣ странные пѣхотинцы, одѣтые въ рваные черкески, въ папахахъ, съ мрачными загорѣлыми усатыми лицами и съ накинутыми на плечи лохматыми бурками...

Ни у кого изъ нихъ не было на ногахъ сапогъ, а ихъ замѣняли кожаные лапти, (постолы), прикрѣпленныя къ ногамъ сыромятными ремнями.

Пошли эти диковинные люди своею легкою не слышною поступью въ городъ и выстроились на площади.

Подъѣхалъ къ нимъ генералъ, поздоровался и крикнулъ:

— Полы завернуть!

— Авже ни якъ нэможно Ваше Парвасходытэлство!—отвѣтилъ нихъ предводитель, сѣдой какъ лунь старикъ.

— Это почему?

— Бо богацько ѣ такихъ, що зовсімъ безъ штанівъ... Дюже не пригоже будэ!— проговорилъ старшина, косясь на смотрѣвшую на его «війско» публику, среди которой преобладали дамы.

Генералъ улыбнулся, махнулъ рукою и поѣхалъ дальше. Онъ зналъ, что это за войско, и разсудилъ, что и взыскивать было нечего.

То были знаменитые пластуны или какъ

ихъ иначе называютъ, ползуны. Люди, не имѣющіе понятія, что такое страхъ, и со злобы кусающіе ружье свое, если оно даетъ промахъ... Люди-змѣи, неслышно подкрадывающіеся среди невозмутимой тишины, когда всякій шорохъ долженъ быть слышенъ, къ врагамъ и ворующіе часовыхъ съ ихъ постовъ... Люди не улыбающіеся и суровые, мало разговорчивые и читающіе вмѣсто молитвы какія-то заклинанія, которыя по ихъ мнѣнію избавляютъ ихъ отъ пуль. Это черноморскіе пѣшіе казаки, изумлявшіе иностранцевъ своею холодною храбростью и не произносившіе ни одного стона, какъ бы не была сильна полученная ими рана.

Въ концѣ сентября, Севастополь былъ укрѣпленъ, на немъ было уже 340 орудій и 32 полевыхъ, 24,000 человѣкъ гарнизона. Начальство надъ бастіонами приняли по отдѣламъ: генералъ Аслановичъ, адмиралы: Новосильскій, Истоминъ и Панфиловъ. Самъ Карниловъ былъ повсюду и ободрялъ солдатъ. Однажды, обратясь къ Московскому полку, онъ весело сказалъ имъ:

— Помните, московцы, на васъ смотрятъ Царь и Россія. Работайте такъ, чтобы Москвѣ было любо принять васъ, какъ настоящихъ московцевъ!

— До смерти постоимъ, Ваше Превосходительство!—отвѣтилъ полкъ.

И всѣ блестяще сдержали свое слово.

IV.

Смерть Адмирала Корнилова.

Союзники раскинули свой лагерь въ разстояніи около трехъ верстъ отъ нашихъ укрѣпленій; французы заняли мѣстность отъ Сарданакиной балки, а англичане —отъ этой балки до склона высотъ къ Инкерману.

Къ ночи на 5-е октября французскія батареи были вооружены 73-я большими пушками.

Но вотъ занялась заря достопамятнаго 5-го октября.

Сначала наши перекидывались выстрѣлами съ непріятелемъ, чтобы помѣшать ихъ осаднымъ работамъ, возводимымъ съ замѣчательною быстротою. А въ седьмомъ часу утра, вдругъ загремѣли ихъ орудія и началась страшная канонада. Тучей неслись ядра и разрывныя бомбы съ непріятельскихъ укрѣпленій въ наши бруствера, разрушая ихъ поминутно. Въ воздухѣ былъ, какъ говорится, чистый адъ. Ревъ громадныхъ орудій смѣшивался съ

трескомъ перекатной ружейной пальбы, бѣшаннымъ визгомъ и воемъ летящихъ и лопающихся снарядовъ... Непріятель «жарилъ» во всю, но вотъ приблизился еще ихъ флотъ и началъ громить въ наши укрѣпленія изъ 1,500 орудій!

Можно себѣ представить, что это было такое!

Нужно было удивляться, какъ не было истреблено все и вся отъ этого, буквальнаго дождя пудовыхъ ядеръ и гранатъ, Земля тряслась, будто впереди случилось изверженіе вулкана, а отъ страшнаго гула и грохота люди положительно не слышали другъ друга.

Но матросы и солдаты твердо выносили все это и мрачные съ опаленными лицами, молча, наводили свои орудія, стрѣляли опять заряжали...

Вотъ шальная граната угодила въ брустверъ, и разметала въ стороны обшивку... брызнули камни, а затѣмъ разорвалась и она сама... Съ пѣніемъ, не то съ жужжаніемъ полетѣли во всѣ стороны чугунныя осколки, задѣвая по пути по удалымъ головушкамъ... Съ легкимъ стономъ падаютъ одни за другимъ моряки и солдаты, а на ихъ мѣста становятся другіе, и съ суровымъ спокойствіемъ на лицахъ принимаются исполнять свое дѣло.

А надъ головами ихъ съ ревомъ, свистомъ и гикомъ летятъ новыя тучи чугуна и свинца, заслоняя собою Божій свѣтъ.

— Ишь вѣдь какъ разнесло ихъ сегодня? ворчитъ матросъ, прислоняясь спиною къ брустверу и закуривая трубочку.

— Къ бомбической!—еле слышится голосъ офицера, среди шума канонады.

— Есть!—слышится отвѣтъ, и огромное орудіе съ ревомъ пускаетъ изъ себя снарядъ.

Вотъ, на самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ больше всего пируетъ смерть, среди дыма, поднятаго пушечными залпами, появляется характерная фигура въ генеральскихъ эполетахъ, съ сдвинутою на затылокъ фуражкою и съ подзорною трубою въ рукѣ.

Всѣ эти гранаты и цѣлый рой кружащихся осколковъ существуютъ будто не для него. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ на своемъ лицѣ напрасно старается онъ проникнуть взглядомъ покрытое впереди дымомъ пространство, и досадуетъ.

— Ничего не видно-съ...—говоритъ онъ, собственно ни къ кому не обращаясь.

Глядя на него, веселѣе становятся лица моряковъ. Съ большимъ рвеніемъ принимаются они за свое дѣло.

— Павелъ Степанычъ тутъ, Павелъ Степанычъ тутъ...—слышится говоръ между ними.

А Павелъ Степанычъ Нахимовъ появляется повсюду. Не торопясь, онъ обходитъ бастіонъ за бастіономъ, ободряя людей своими шутливыми замѣчаніями, и при видѣ его забываютъ матросы всѣ опасности на свѣтѣ.

Но вотъ появляется еще одинъ герой. Молодой, красивый, съ симпатичнымъ лицомъ генералъ верхомъ на конѣ, окруженный своимъ штабомъ, мчится онъ среди свиста и воя пуль и ядеръ. Не склоняется его гордая голова передъ свистящими мимо его осколками, а только громко и весело ободряетъ сражающихся.

— Корниловъ! Корниловъ!—слышатся восторженные голоса моряковъ, провожавшихъ его глазами.

Вотъ онъ уже на пятомъ бастіонѣ. Поздоровался съ солдатами, вставшими въ ружье, и вдругъ видитъ онъ приближающагося къ нему Павла Степановича, котораго Корниловъ едва узналъ, потому что лицо храбраго адмирала все въ крови.

Нахимовъ раненъ! Всѣ это видятъ, но никто не смѣетъ напомнить ему о ранѣ, онъ этого не любитъ.

Не рѣшается замѣтить этого ему и Корниловъ, но все таки слегка напоминаетъ, что лицо его запачкано.

— Это ничего-съ...—спокойно отвѣчаетъ

Нахимовъ. Потомъ можно будетъ умыться-съ.

Вотъ болѣе четырехъ часовъ длится эта канонада. Вдругъ среди общаго гула выстрѣловъ раздался еще болѣе страшный грохотъ и надъ одной изъ французскихъ батарей взвился столбъ огня и дыма, бросая изъ себя обломки балокъ и куски человѣческихъ тѣлъ.

По всей нашей линіи, пронеслось громкое «ура»!

Это былъ взрывъ французкаго пороховаго погреба. Орудія въ этомъ мѣстѣ замолчали и когда дымъ разсѣялся, всѣ увидали вмѣсто батарей только груду развалинъ.

Осмотрѣвъ укрѣпленія, Корниловъ помчался къ кн. Меньшикову съ рапортомъ о состояніи укрѣпленій и затѣмъ сталъ распоряжаться снабженіемъ батарей боевыми припасами.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, Корниловъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ.

Надо замѣтить, что Малаховъ курганъ считался самымъ опаснымъ пунктомъ во всей оборонительной линіи Севастополя, и все вниманіе непріятеля сосредоточивалось только на немъ, а потому обстрѣливали его больше всѣхъ.

Многіе офицеры старались удержать

мужественнаго адмирала отъ этого намѣренія, зная, насколько онъ былъ дорогъ для Севастополя и Россіи.

— Поберегите себя, Ваше Превосходительство,—говорили ему окружающіе, мы всѣ ручаемся за усердіе защитниковъ этого бастіона.

— Знаю, что и безъ меня всякій исполнитъ долгъ свой,—отвѣтилъ Корниловъ,—но я самъ чувствую душевную потребность взглянуть на нашихъ героевъ въ минуты ихъ подвиговъ!

Съ этими словами онъ поскакалъ на Малаховъ курганъ.

Тамъ былъ чистѣйшій адъ.

Сосредоточенныя со всѣхъ непріятельскихъ батарей орудія изрыгали изъ себя цѣлыя тучи чугуна и свинца, нанося повсюду смерть. Раненыхъ и убитыхъ едва успѣвали выносить. Адмиралъ слѣзъ съ коня и пошелъ пѣшкомъ по бастіону, ободряя на каждомъ шагу молодцевъ-моряковъ, какъ вдругъ ядро упало прямо ему въ ногу и раздробило ее.

Корниловъ упалъ, подбѣжавшая свита и офицеры бросились подымать его.

Опомнясь отъ удара, адмиралъ сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Ну, друзья, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь и не отдавать его!

Послѣ этихъ словъ онъ лишился чувствъ.

Мрачно, снявъ шапки, правожали, съ полными глазами слезъ, храбрые моряки своего доблестнаго начальника.

Его снесли въ морской госпиталь. Тамъ онъ пострадалъ два часа и передъ своей кончиной обратился съ слѣдующими, памятными всякому, кто слышалъ, словами:

— Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать съ чистою совѣстью. Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!

И съ этими словами, герой скончался.

Но тутъ случилось замѣчательное совпаденіе:

Только что испустилъ духъ Корниловъ, какъ вдругъ, подобно погребальному салюту, грянулъ страшный залпъ изъ всѣхъ орудій непріятельскаго флота; зароко-тало бомбандированіе, еще болѣе страшное, какого не было еще никогда! Казалось, враги хотѣли непремѣнно засыпать многострадательный городъ, какъ Везувій своей лавой Помпею, такъ они, Севасто-поль грудами чугуна и свинца...

Страшный оглушительный гулъ носился въ воздухѣ въ цѣломъ вихрѣ чугуна. То тамъ, то сямъ разражались взрывы пороховыхъ ящиковъ и пространство наполнялось ѣдкимъ пороховымъ дымомъ, въ

которомъ повсемѣстно подобно молніи врѣзались огненныя струи выстрѣловъ.

Не лучше было и самому городу. Его обстрѣливали съ моря каленными ядрами и дома начали загораться во всѣхъ мѣстахъ.

То были тяжелыя и ужасныя минуты, но въ сердцахъ защитниковъ не было робости.

Страшно бѣдствовалъ въ особенности 3-й бастіонъ; въ немъ два раза люди были буквально уничтожаемы всѣ до одного, его орудія умолкали на время, потому что и стрѣлять изъ нихъ было некому, но приходили другіе и снова начиналась пальба.

Тутъ ужъ офицеры и солдаты, безъ всякихъ чиновъ, работали на брустверѣ съ одинаковымъ усердіемъ. Вдругъ при непрерывномъ гулѣ канонады раздался позади защитниковъ страшный грохотъ. То былъ взрывъ пороховаго погреба, и когда дымъ разсѣялся, передъ ихъ глазами предстала ужасающая картина: вся передняя часть бастіона опрокинулась въ ровъ вмѣстѣ съ орудіями и разбитыми въ щепки станками, въ обломкахъ лежали обгорѣлые и обезображенные трупы. Съ непріятельской стороны сквозь общій гулъ доносились торжествующіе крики. Но на минуту ошеломленные, оставшіеся въ жи-

выхъ, защитники бросились къ двумъ орудіямъ и отвѣтили имъ гранатами.

Вотъ лежитъ среди труповъ молодой мичманъ и кричитъ ослабѣвающимъ голосомъ:

— Держись молодцы!

Затѣмъ онъ падаетъ навзничъ, а надъ нимъ наклоняется сѣдой капитанъ, съ остаткомъ оторванной руки, и, осѣняя молодаго человѣка крестнымъ знаменіемъ, говоритъ ему:

— Отдаю тебя Богу, Царю и Отечеству.

Затѣмъ, увидавъ людей, несущихъ снаряды, приподнялся и гаркнулъ мощнымъ голосомъ:

— Снарядовъ сюда!

То были отецъ и сынъ, неустрашимые моряки.

Еще разъ грохнули двѣ пушки, то былъ послѣдній огненный вздохъ 3-го бастіона.

V.

Кошка соперничаетъ съ пластунами.

Адская канонада все еще продолжается.

Ожидали штурма, именно на разрушенномъ 3-мъ бастіонѣ, который, по выраженію матросовъ, все еще продолжалъ «огры-

заться», хотя онъ былъ положительно разбитъ весь и изъ 22 орудій осталось всего только 2 и пять человѣкъ прислуги!

Нужно было прислать туда подкрѣпленіе.

Съ корабля Ягудіилъ отрядили 75 человѣкъ на помощь бѣдствующимъ.

Но изъ этихъ семидесяти пяти человѣкъ пришло только къ мѣсту 25 человѣкъ, а остальные полегли на дорогѣ, шедши подъ огнемъ...

По всей оборонительной линіи стояли наши баталіоны подъ ружьемъ въ ожиданіи штурма, вдали тоже виднѣлись штурмовыя колонны въ ожиданіи сигнала.

Вдругъ на Малаховомъ курганѣ раздался страшный взрывъ, такъ что земля задрожала. Въ эту же самую минуту подобный же взрывъ раздался и въ англійской батареѣ.

Къ шести часамъ вечера, весь союзный флотъ вдругъ снялся съ якорей и началъ выходить изъ боевой линіи, буксируя за собою свои разбитыя суда. Наши береговыя батареи провожали ихъ мѣткими выстрѣлами.

Наконецъ, грохотъ канонады началъ постепенно утихать, а къ вечеру потчи все смолкло, только одна англійская батарея, подобно обозлившейся собаченкѣ, продолжала тявкать своими пушками до

самой темноты, посылая свои снаряды все въ тотъ же многострадательный 3-й бастіонъ. Наконецъ, наступила ночь, и водворилась тишина.

Такъ кончилось это знаменитое бомбардированіе въ день 5-го октября.

Вѣсть объ этомъ бомбардированіи нашей твердыни облетѣла всю Россію. Дрогнуло русское сердце и всѣ помыслы обратились къ Севастополю.

Со всѣхъ концовъ Руси православной посылались къ мѣсту дѣйствія множество пожертвованій деньгами, вещами и перевязочными средствами. Великая Княгиня Екатерина Павловна учредила первую Крестовоздвиженскую Общину Сестеръ Милосердія и, благословивъ ихъ, послала въ Севастополь.

Государь Императоръ послалъ туда Дѣтей своихъ, Вел. Кн. Михаила Николаевича и Николая Николаевича, причемъ писалъ къ князю Горчакову слѣдующее:

«Полагаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы ты Моихъ *рекрутъ* немдля отправилъ въ Крымъ, къ Меньшикову, съ тѣмъ, чтобы они тамъ оставались при немъ до минованія опасности, или до изгнанія непріятеля; потомъ же, чтобы воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не Моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой

подавать примѣръ другимъ. Итакъ съ Богомъ, вели имъ отправиться туда».

«Прощай, обнимаю тебя душевно, да хранитъ тебя Господь.

«Обними Моихъ *рекрутъ*, благослови ихъ путь, и всѣмъ нашимъ поклонись».

Въ другомъ письмѣ къ князю Меньшикову отъ 14-го октября.

« . . . . Сыновьямъ Моимъ Николаю и Михаилу дозволилъ Я ѣхать къ тебѣ: пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень Моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлить опасности ваши и примѣромъ своимъ служить одобреніемъ Храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ Я ввѣряю. Обнимаю отъ души; да хранитъ тебя и всѣхъ васъ Милосердный Богъ. Сегодня отслужили мы панихиду по почтенномъ героѣ Корниловѣ и горько плакали. Царство ему Небесное!» *).

Послѣ 5-го октября, непріятель снова продолжалъ сильное бомбардированіе, надѣясь устрашить этимъ гарнизонъ и ворваться черезъ засыпанные рвы и разрушенныя стѣнки, въ городъ.

Но всѣ ихъ старанія были напрасны,

---

*) Изъ собственноручныхъ писемъ Императора Николая Павловича къ Севастопольцамъ.

защитники стойко выдерживали осаду, а разрушенные насыпи и бастіоны въ одну ночь выростали снова, готовые принять къ себѣ врага во всякую минуту.

Тогда французы и англичане, видя безуспѣшность своихъ усилій, повели правильную осаду и начали свои подступы противъ 3-го и 4-го бастіоновъ и Малахова кургана, не прекращая, между тѣмъ, своей неумолкаемой канонады.

Потянулись безконечные дни томительной осады, среди вѣчнаго неумолкаемаго гула канонады, вырывающей каждый день у насъ изъ строя до 200 человѣкъ.

Осада длилась цѣлыхъ *триста сорокъ девять дней!* И впродолженіи этого длиннаго періода времени, этой достопамятной войны, было столько частныхъ подвиговъ безшабашной молодецкой удали, что сами непріятели, изумленные этимъ, —бросали ружья и рукоплескали съ криками «браво»!

Послѣ 10-го октября прибыла суворовскимъ маршемъ 12-я пѣхотная дивизія, 12 эскадроновъ конницы, 56 орудій и 12 сотенъ казаковъ; за ними двигалась еще драгунская дивизія и три конныя батареи.

Тогда, чтобы отвлечь усилія непріятеля отъ Севастополя, Меньшиковъ рѣшился атаковать англійскую позицію, и напра-

вилъ новоприбывшія войска прямо съ похода на Балаклаву.

Произошло знаменитое Балаклавское сраженіе, окончившееся полною побѣдою нашихъ войскъ, причемъ въ наши руки попалось небольшое число плѣнныхъ, лошадей, не мало оружія, одно знамя, 11 орудій, 60 патронныхъ ящиковъ и всякаго турецкаго скарба.

Балаклавская побѣда оживила духъ нашихъ войскъ, которыя съ большимъ рвеніемъ принялись возобновлять разрушенныя укрѣпленія.

23 октября изволили прибыть Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Войска приняли Царскихъ дѣтей восторженно.

— Драться будемъ, ребята!—сказали они, объѣзжая войска подъ сильнымъ дождемъ.

— Рады стараться! Ура! Готовы въ огонь и воду!—слышались повсюду крики.

— Государь Императоръ кланяется вамъ, ребята!..

— Будемъ драться на смерть! Ура!

Полетѣли на воздухъ шапки, и каждый воинъ, ободренный ласковымъ Государевымъ словомъ, чувствовалъ сильный восторгъ.

Это совершилось передъ самымъ Инкерманскимъ сраженіемъ, почти наканунѣ

24-го октября, началось знаменитое Инкерманское дѣло, хотя для насъ и не удачное, но за то полки столько выказали геройской отваги, что привели въ немалое смущеніе союзниковъ.

Въ такой маленькой книжкѣ всего не разсказать, а пришлось бы исписывать цѣлые томы, чтобы описать мало-мальски подробно, но не утерплю, чтобы не упомянуть слѣдующаго эпизода:

Въ пылу битвы рядовой Охотскаго полка (имя неизвѣстно) выноситъ на себѣ убитаго французскаго офицера.

Когда къ нему обратились съ вопросомъ, къ чему онъ притащилъ убитаго, солдатъ отвѣтилъ:

— Это храбрый офицеръ! Онъ на моихъ глазахъ уложилъ троихъ нашихъ и моего капральнаго; я не спускалъ съ него глазъ, и, все-таки добравшись, всадилъ ему въ бокъ штыкъ; въ ту минуту, какъ онъ падалъ, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вижу я, что это не бусурманъ, а христолюбивый воинъ, и потому нужно похоронить его съ нашими. Поступокъ и отвѣтъ настоящаго православнаго витязя.

А вотъ вамъ тоже подвигъ, но только особаго рода:

Кончился бой.

Истомленныя войска двигаются къ Се-

вастополю отдѣльными группами, а нѣкоторые ужъ сильно усталые или изнемогшіе отъ ранъ кучками садятся при дорогѣ.

Откуда ни возьмись, появляется старуха, идетъ она изгибаясь подъ вязанкой дровъ, съ большущимъ горшкомъ и сковородкой подъ мышкой. Живо усѣвшись между солдатами, она развела огонь, разогрѣла сковородку и, смазавъ ее постнымъ масломъ, проворно начала печь аладьи!

Быстро исчезаютъ аладьи въ желудкахъ проголодавшихся воиновъ, а старуха печетъ все новыя и приговариваетъ:

— Кушайте, отцы мои, кушайте, дѣтки Царскіе! Бѣдные крохоточки вернутъ вамъ силы богатырскія... Кушайте, родные, даръ Божій во здравіе!

Великъ-ли самъ по себѣ аладушекъ, но тотъ, кто былъ въ дѣлѣ, самъ пойметъ, что дорогъ онъ самъ по себѣ, но и дороже каждому чистое материнское сочувствіе.

И никто даже не посмѣлъ предложить ей плату, отъ которой она навѣрно бы отказалась.

Послѣ Инкерманскаго сраженія на бастіонахъ потекла прежняя жизнь, пополамъ со смертью. Часто повторяющіеся штурмы и сраженія никому уже не угрожали, все свелось только на мелкую пере-

стрѣлку и безпрестаннымъ ночнымъ нападеніямъ охотниковъ.

Теперь обратимся къ нашему герою, о которомъ не было сказано еще ни одного слова.

Вотъ траншея (глубокій ровъ, по которому ходятъ на бастіоны), тянувшаяся изъ города среди бастіоновъ. По бокамъ ея темнѣютъ тѣсныя землянки.

Подымемся на самый бастіонъ, площадка котораго вся перерезана траверсами (насыпями). На насыпяхъ лежатъ пушки и цѣлыя пирамиды чугунныхъ ядеръ.

Вотъ землянка, вырытая въ длину человѣка. Это «квартира» офицера, начальника бастіона.

На свѣжаго человѣка бастіонъ производитъ довольно жуткое впѣчатлѣніе. Поминутно проносятся надъ головою пули, шлепаются тутъ-же на землю. Вотъ и солдатскія землянки съ нарами человѣкъ въ пять.

Землянка эта такъ низка, что нужно входить туда согнувшись. Первое что тамъ попадается на глаза, такъ это икона съ теплющимися подъ нею восковыми свѣчами. Въ землянкѣ совсѣмъ было-бы темно, еслибы не свѣтъ отъ свѣчей.

На нарахъ сидятъ три матроса и играютъ въ карты. Двое изъ нихъ уже пожи-

лые, съ большими усами и бакенбардами, третій выглядитъ совсѣмъ молодымъ, съ маленькими усиками и плутоватымъ выраженіемъ скуластаго лица.

— Ну, подставляй носъ,—говоритъ молодой, держа съ угрожающимъ видомъ въ рукѣ цѣлую колоду картъ.

— Который разъ уже!—говорятъ черные бакенбарды, защищая ладонью свой органъ обонянія.—Ишь везетъ ему словно жиду!

— Не жалей носа! трунитъ молодой.— Все равно завтра его оторветъ съ башкой пожалуй.

Дѣлать нечего, партнеръ покоряется своей участи, и молодой мѣрно начинаетъ отсчитывать удары по носу.

Не успѣлъ онъ отсчитать до пяти, какъ въ блиндажъ (землянку) вбѣжалъ матросъ.

— Знаете что, братцы?—заговорилъ онъ, садясь на нары.—Давеча ползуны аглицкаго енарала въ городъ повели!

— Въ городъ? — спросили играющіе, бросая карты

— Енаралъ, какъ есть!—сообщалъ новоприбывшій.—И мундеръ на емъ красный, все какъ есть, и усы бриты...

— Можетъ быть и барабанщикъ, — усмѣхнулся молодой, не выпуская изъ рукъ картъ.

— Чево барабанщикъ!—знаю я ихнее

войско... Все у нихъ какъ слѣдуетъ. Шапка большая, мундиръ красный съ вышивкой и безъ штановъ!

Оно извѣстно, — заговорилъ бакенбардистъ, потирая свой покраснѣвшій отъ ударовъ носъ,—ползуны—народъ аховый. Для него все трынъ-трава.

— Нашимъ не ухитриться такъ,—сказалъ другой, поглядывая на молодаго матроса.

— Мы и сами любому ползуну носъ утремъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, полно, не похваляйся! Хотя ты и Кошка, но тебѣ не въ жизнь не проползти такъ ловко, какъ ползуны. Вонъ знаю я одного, сѣдой такой, Даниленкой его зовутъ. Супротивъ его и другіе ползуны ничего не стоятъ!

— Поглядимъ!—молвилъ Кошка, вставая.—Похваляться не буду, а то скажу, что денегъ у насъ на выпивку больше нѣтъ.

— У меня есть ассигнація, сказалъ Семеновъ, тотъ самый, которому Кошка билъ носъ.—Хватитъ.

— Мало! Приходится занять.

— У кого занять? Не въ городъ же идти, когда туда не пущаютъ!

У англичанина займу!—сказалъ Кошка и, вставъ, вышелъ изъ землянки на чистый воздухъ.

Вечерѣло. На площадкѣ бастіона, среди валяющихся черепьевъ отъ бомбъ и гранатъ и изломаныхъ лафетовъ, толпился народъ.

Все идетъ своимъ порядкомъ: пули по-прежнему посвистываютъ, да частенько раздается голосъ сигналиста:

— Лохматка! *)

И не дожидаясь, чтобы матросы прилегли, докрикиваетъ:

— Не наша! Армейская!

Бомба пролетаетъ надъ головами людей и теряется гдѣ-то въ дали за бастіономъ.

На площадкѣ появляется какая-то баба, неся завернутые въ тряпицу горшки.

— А гдѣ, родимые, Сидоровъ, Степанъ Петровъ?—спрашиваетъ она матросовъ.

—А ты, матка, обѣдъ небось принесла?— спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Обѣдъ, батюшка, обѣдъ... Опоздала я маленько, да...

Опоздала и есть! Вонъ онъ лежитъ, покрытый шинелью, не до обѣда ему теперь...

Смотритъ баба, и чашки да горшки изъ рукъ выронила; лежитъ ея Сидоровъ съ разбитымъ черепомъ, устремивъ стеклян-

*) Бомба, которая при полетѣ даетъ отъ себя цѣлый снопъ искръ.

ный взглядъ къ небу, а рядомъ лежатъ еще пятеро и ждутъ, когда придутъ за ними и понесутъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

— Охъ, мой родимый, на кого ты насъ покинулъ, сиротинушекъ!—взвыла матроска, наклонясь надъ трупомъ и не замѣчая какъ шлепнули около нея двѣ пули.

— Полно выть-то, Настасья Егоровна!—услышала она надъ собою голосъ и кто-то коснулся ея плеча.

Поднявъ голову, увидѣла она предъ собою Кошку съ трубкой въ зубахъ.

— Тутъ намъ всѣмъ удѣлъ такой и не на свадьбу мы пришли сюда,—продолжалъ молодой матросъ.—Пойдемъ-ка, я тебя провожу.

Настасья покорно встала и послѣдовала за нимъ.

—Ужъ такое все на меня горе пошло теперича,—продолжала она: давеча домишка нашъ бонбой разворотило, а теперь и мужа убило... Дай хоша проститься съ нимъ.

— Оно извѣстно, надо...—буркнулъ матросъ, глядя куда-то въ сторону.

— Къ бомбической!—слышится голосъ офицера.

— Есть! отвѣчаетъ комендоръ у орудія.

— Катай!..

И ахнула 300-пудовая тетушка страшнымъ ревомъ, изрыгнула изъ себя клубъ дыма и летитъ изъ ея открытой пасти съ шипѣніемъ и гудѣніемъ тяжелая бомба въ гости къ французу или къ англичанину.

— Кашу несутъ! Ужинать!—слышится голосъ боцмана.

Двое матросовъ несутъ наплечахъ ушатъ съ кашей или со щами и солдатики, благословясь, пристраиваются къ кашкѣ.

— Маркела!! кричитъ сигнальщикъ. Берегись!!

Матросы брасаются въ блиндажъ, кто успѣетъ, а то и такъ ложатся, авось, молъ, Господь пронесетъ. Вотъ летитъ съ гуломъ большая чугунная птица, шлепается по срединѣ площадки, и начинаетъ вертѣться какъ бѣшеная, испуская изъ себя дымъ и искры...

Какой-то матросикъ подбѣгаетъ къ ней и плещетъ на нее водой изъ ведра...

— Успокоилась, сердечная!—объявляетъ онъ, швыряя потухшую гранату ногою въ сторону.

Матросы снова принимаются за кашу, весело балагуря между собою...

— Иди, а не то убьетъ, —говоритъ Кошка своей спутницѣ, направляя ее въ траншею.—А ребятъ твоихъ жалко, но что-жь дѣлать, никто какъ Богъ...

Онъ возвращается назадъ, вынимаетъ изъ обшлага ложку и направляется къ ушату съ кашей.

Среди ужинающихъ идутъ оживленные споры о пойманномъ пластунами англійскомъ генералѣ. Кошка принимаетъ участіе въ спорѣ. Ему досадно на пластуновъ и хочется попробовать самому.

— Пушка!!—кричитъ сигналистъ, и затѣмъ прибавляетъ: армейская!!

— Вали капральствомъ!—кричитъ командиръ, которому надоѣли безперерывно посылаемыя союзниками ядра.

Люди бросаются къ мортирѣ и пихаютъ въ нее сразу штукъ 30 гранатъ.

— Есть!—кричитъ комендоръ.

— Пали!—слышится команда.

Ухаетъ мортира, и изъ нея вылетаетъ, словно изъ гнѣзда, рой чугунныхъ птицъ.

Вечеръ.

— Смѣна!—слышится команда.—На саперныя работы!

И засуетились люди.

— Кошка! Гдѣ Кошка?—кричитъ кто-то.

— На промыселъ ушелъ!

И въ самомъ дѣлѣ, Кошка куда-то исчезъ.

VI.

Тревога.

Темная южная ночь.

Величественная, грозная ночь, какой, послѣ этого знаменитаго Севастопольскаго «Сидѣнія», никто не видывалъ и не можетъ имѣть понятія.

Воздухъ пронизываютъ конгревовы ракеты, которыя летятъ съ шипѣніемъ, оставляя за собою огненную ленту. Взадъ и впередъ летятъ бомбы, а среди ихъ «Жеребцы», т. е. лохматки, испуская изъ себя искры, похожія на лошадиную гриву. Вотъ темная полоса непріятельскаго редута вдругъ сразу освѣщается огненнымъ вѣнцомъ ружейныхъ выстрѣловъ. Гдѣ-то слышится отдаленное «ура», смѣшанное съ общимъ гуломъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ.

Это наши разудалые охотнички, сдѣлавъ вылазку, тревожатъ покой непріятеля.

Рѣдко кто спитъ въ такую ночь, развѣ нѣкоторые сильно утомленные забираются въ блиндажъ, чтобы хоть на малое время укрѣпить свои силы сномъ.

Но и тутъ, подъ толстою земляною крышею блиндажа, часто появляется ненасытная смерть за своими жертвами: какая нибудь неожиданная гостья бомба, пробивъ крышу, ввалится туда, разрывается на сотни осколковъ и спавшіе такъ и остаются спать сномъ вѣчнымъ, непробуднымъ. Всюду, на бастіонахъ, во рву, въ амбразурахъ, словно въ муравейникѣ копашатся люди. Это рабочія команды, поправляющія нанесенныя за день поврежденія непріятельскими орудіями.

— Бомба!—слышится обычный голосъ сигнальщика; всѣ бросаются на землю.

— Померла!—слышится тотъ же голосъ.

Это значитъ, что трубка погасла; при громѣ непрерывныхъ выстрѣловъ снова принимаются люди за прерванную работу.

— Бомба! Берегись!

Но ужъ поздно. Съ шумомъ врѣзывается какая нибудь лохматка, затѣмъ слышится предсмертный стонъ десятка человѣкъ.

— Носилки сюда!

Слово «носилки» произносятся такимъ привычнымъ холоднымъ тономъ, что такъ и кажется, что нужно будетъ нести землю или камни, но не куски окровавленнаго человѣческаго мяса. И такъ тянется эта тревожная жизнь, изо дня въ день, недѣ-

лями и цѣлыми безконечными мѣсяцами. Люди привыкли уже къ этому, относятся ко всѣмъ этимъ ужасамъ совершенно спокойно, зная, что и съ нимъ съ минуты на минуту можетъ случиться тоже, что и съ сотнями другихъ.

Не слаще было и союзникамъ.

Положеніе ихъ войскъ, жившихъ въ палаткахъ, подъ проливными дождями и среди невылазной грязи, было бѣдственнымъ, они сильно нуждались въ дровахъ. которыхъ не хватало не только для бивуачныхъ огней, но и для варки пищи. Число больныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Французы хоть сколько нибудь заботились о постройкѣ бараковъ, но у англичанъ было еще хуже; у нихъ больные и раненые часто валялись безъ всякаго присмотра, не имѣя лекарствъ и даже пищи. Всѣ предметы для необходимыхъ потребностей, привозимые изъ Англіи, сваливались въ Балаклавѣ, въ общую кучу и никто не зналъ, что тамъ находилось.

Англійской конницы почти не существовало, такъ какъ она сильно пострадала отъ нашихъ подъ Валаклавой и Инкерманомъ.

Что касается до турокъ, то ихъ положеніе было еще хуже, чѣмъ остальныхъ

союзниковъ. О нихъ положительно никто не заботился; продовольствіе и ихъ одежда были хуже всѣхъ, и хотя французы и помогали имъ, насколько возможно, но за то англичане поступали съ ними такъ, какъ привыкли поступать споконъ-вѣку со всѣми народами, стоящими ниже ихъ въ культурномъ отношеніи. Они просто употребляли турокъ вмѣсто вьючныхъ животныхъ, нисколько не заботясь объ ихъ пропитаніи.

Турки (войска которыхъ находились при обѣихъ арміяхъ) кое-какъ терпѣли, и многіе изъ нихъ, будучи не въ состояніи выносить гнетъ просвѣщенныхъ мореплавателей, просто-напросто перебѣгали на нашу сторону.

Такихъ перебѣжчиковъ къ намъ много появлялось и кромѣ турокъ; появлялись у насъ и англичане, сардинцы (прибывшіе впослѣдствіи) и даже французы.

Впослѣдствіи, т. е. къ веснѣ 1854 г., дѣла ихъ замѣтно улучшились, у союзниковъ были понастроены деревянные бараки, и даже по всему занимаемому ими прибрежію провели желѣзную дорогу.

Но несмотря на всѣ вышеупомянутые недостатки, непріятельская армія превышала нашу во многомъ, какъ своею многочисленностью, такъ и исправнымъ вооруженіемъ. У нихъ были хорошія дально-

бойныя ружья, между тѣмъ какъ пули нашихъ гладкоствольныхъ штуцеровъ часто не достигали своего назначенія.

Въ описываемую мною ночь вылазокъ не было, и только обѣ враждующія стороны изрѣдка перекидывались между собою орудійными выстрѣлами.

Далеко впереди нашихъ бастіоновъ, почти передъ самымъ носомъ непріятеля, въ наскоро вырытомъ ложементѣ залегло нѣсколько человѣкъ въ лохматыхъ попахахъ, закутанные въ бурки.

Это пластуны.

Темень страшная. Небо заволоклось тучами и накрапываетъ мелкій дождь Молча лежатъ они, устремивъ далеко впередъ свои зоркіе кошачьи глаза.

Воздухъ изрѣдка пронизываютъ свѣтящіяся гранаты, освѣщая собою подобно молніи окрестность. Далеко впереди еле чернѣется англійскій бастіонъ.

Вотъ кто-то изъ лежавшихъ тихо кряхнулъ и заскрежеталъ зубами. Остальные чуть шевельнулись.

— Що тамъ таке? — раздается чуть слышный шопотъ.

— А бо-жъ не бачишь, що Охраменко вбило!—слышится тихій отвѣтъ.

И правда: шальная пуля угодила удалаго казака Охраменко въ спину, и тотъ,

издавъ только невольный, чуть слышный для посторонняго уха, вздохъ, отдалъ Богу душу.

Тихо приблизились двѣ темныя фигуры съ носилками, положили на нихъ покойника и затѣмъ исчезли во мракѣ подобно привидѣніямъ.

Опять тихо въ ложементѣ, молча лежатъ пластуны, неподвижно глядя въ темную даль, и, несмотря на темноту, видятъ все, что дѣлается тамъ впереди.

— Дiду!... Чуешь?..—слышатся шопотъ.

Чую,—отвѣчаетъ сѣдой усатый пластунъ, вынимая изъ ноженъ кинжалъ. Тамъ, кругомъ гремятъ выстрѣлы, а кругомъ ихъ, кажется все тихо, и ничто не шелохнется. Но старый «дiдъ» давно уже слышитъ привычнымъ ухомъ легкій шорохъ ползущаго человѣка.

Подобно тигру, тихо подбирающемуся къ намѣченной имъ жертвѣ, такъ и старый пластунъ, взявъ обнаженный кинжалъ въ зубы и сверкая въ темнотѣ глазами, трогается съ мѣста и, какъ змѣя, не издавая ни малѣйшаго шороха, скользитъ къ предполагаемому врагу. Еще минута, и онъ могучею рукою притискиваетъ къ землѣ какую-то темную фигуру.

Фигура старается увернуться и, получивъ

наконецъ возможность говорить, гнѣвно шепчетъ:

— Чортовъ хохолъ! пусти, дьяволъ...

— Кто ты такій?—шепчитъ «дідъ»,выпуская свою жертву.

— Свой... отзывъ «мушкетъ».

— Добре...

Дѣдъ, спрятавъ кинжалъ въ ножны, ползетъ на свое мѣсто.

Фигура, отыскавъ уроненную блинообразную шапку и надѣвъ ее на затылокъ, ползетъ дальше.

Вотъ онъ миновалъ пластунскій «секретъ», приближается къ стѣнкѣ англійскаго бастіона.

Перелѣзть ровъ дѣло одной минуты.

Остановившись, онъ внимательно оглядываетъ окружавшую его мѣстность. Надъ самой его головой торчитъ, выглядывая черезъ амбразуру, большая пушка.

Не мѣшало бы заклѣпать ее,— думаетъ человѣкъ,—но, пожалуй, надѣлаешь шуму. Не стоитъ.

Бастіонъ отдыхаетъ. Люди повидимому спятъ, забравшись въ свои блиндажи. Остаются только часовые.

Пролѣзая черезъ амбразуру, увидалъ человѣкъ и часоваго, который, обнявъ свое ружье и плотно закутавшись въ плащъ, дремалъ, прислонившись къ стѣнкѣ. Далѣе

были видны сидящіе у огня и лежавшіе люди. Но они были далеко отъ этого мѣста.

Подкравшійся былъ никто иной, какъ Кошка.

Вынувъ изъ ноженъ длинный ножъ, матросъ неслышно проскользнулъ къ часовому, размахнулся—и тотъ съ легкимъ стономъ упалъ на землю. Ударъ былъ вѣрный, въ самое сердце.

— Ружье пригодится,—подумалъ матросъ, кидая его черезъ брустверъ.—Но вѣдь этого мало.

Быстрымъ движеніемъ обшаривъ карманы убитаго, онъ, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ въ нихъ кошелекъ съ деньгами, а у борта мундира часы.

Какіе это были часы—золотые или серебряные, справляться было некогда; нужно пользоваться временемъ.

И видитъ своими рысьими глазами матросъ прислоненныя ружья къ стѣнкѣ, вотъ барабанъ лежитъ и тутъ еще чья-то сабля.

— Въ городѣ за нее, любой офицеръ дастъхорошіяденьги,—сообразилъматросъ, присвоивая саблю.—Теперь, что-же? кажется и разжиться больше нечѣмъ. Эхъ!

Онъ попятился было назадъ, но тутъ

нога его зацѣпила за барабанъ, который издалъ легкій звукъ.

Вдругъ у кошки блеснула неожиданная мысль:

— Ишь дрыхнутъ окаянныя!—подумалъ онъ,—дай-ка я ихъ разбужу.

На барабанѣ лежали и широкій плечевой ремень, въ гайкѣ котораго были воткнуты барабанныя палки.

Кошка приблизился къ амбразурѣ (чтобы удобнѣй было улизнуть, сѣлъ на корточки и, наклонивъ барабанъ между ногъ, размахнулся палками и грянула тревога!

Рокотъ барабана, положимъ, скоро умолкшій, потому что Кошка бросилъ его и куба́ремъ полетѣлъ въ ровъ, разбудивъ спавшихъ.

Отыскавъ брошенное ружье и взявъ подъ мышку саблю, удалый матросъ бросился бѣжать напрямикъ къ своему бастіону, совсѣмъ не обращая никакого вниманія на сыпавшіяся вслѣдъ за нимъ пули.

Вдругъ дорогу преградило ему нѣсколько представшихъ фигуръ.

— Якій такій бісова дытына?— слышитъ онъ сердитый вопросъ.

— Ослѣпъ что-ли?—отвѣчаетъ Кошка. — Это я! У хранцуза былъ, денегъ у нихъ взялъ въ займы безъ отдачи, да еще ружьецомъ да сабелькой меня соблаговолили!

Взбѣшенные убійствомъ часоваго и тревогой, англичане жарятъ цѣлыми залпами, разсчитывая, что хоть какая нибудь изъ тысячи пущенныхъ пуль угодитъ въ русскаго смѣльчака. Но пластуны и самъ виновникъ этой кутерьмы Кошка совершенно не обращаютъ на это вниманія.

— Гарный хлопецъ?—восхищается пластунъ, ударяя по плечу матроса.—Добрый-бы булъ съ тебя казакъ!

Переведя духъ, Кошка направляется къ своему бастіону.

VII.

Игнатій Шевченко.

— Съ Новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ...

Такъ поздравляли другъ друга офицеры, солдаты и матросы съ наступившимъ новымъ 1854-мъ годымъ.

Подобное поздравленіе какъ-то плохо вяжется, когда къ Севастополю тянутся цѣлыя вереницы носилокъ съ ранеными, прямо въ госпитали, и перевязочные пункты, гдѣ суетился знаменитый старичекъ, докторъ Пироговъ, который, при взглядѣ на каждаго приносимаго, отрывисто назна-

чалъ: «На столъ!» «На койку!» «Въ Инженерный! Къ Гущину!» Это значило, что на столахъ совершались спѣшныя операціи отрѣзыванія и отпиливанія рукъ и ногъ, на койкахъ шли перевязки, въ Инженерномъ и Николаевскомъ госпиталяхъ лежали еще терпящіе время и у *Гущина*, все равно что могила, потому что въ этотъ домъ отсылались только самые безнадежные, и немногіе выходили оттуда.

Съ Новымъ годомъ!..

Но прежде, чѣмъ разсказать, какъ былъ встрѣченъ Новый годъ, мы вернемся немного назадъ.

Кошка благополучно вернулся со своей экскурсіи, не потерявъ ни одного своего трофея и возбудивъ удивленіе своихъ пріятелей.

На другой день, сидя въ блиндажѣ со своими пріятелями, онъ разсказывалъ не столько о своемъ подвигѣ, сколько о возмутительной безпечности англичанъ.

— Расположились, словно у себя дома!— говорилъ онъ закусывая огурцомъ послѣ выпитаго стакана водки.—Полѣзъ туда, часовой спитъ, а дальше еще сидятъ другіе... лопочатъ другъ съ дружкой, а вокругъ себя ничего не видятъ!

Между тѣмъ, англичане, обозленные постоянными ночными посѣщеніями рус-

скихъ, оставлявшихъ послѣ себя разрушительные слѣды, совершили тоже особаго рода подвигъ.

Въ слѣдующую ночь тоже была вылазка охотниковъ, а на другой день началась обычная перестрѣлка.

Солдаты и матросы залегли у стѣнки и предались своему обычному занятію: держа на-готовѣ заряженные штуцеры, они держали другъ съ другомъ пари, кто первый попадетъ въ чью нибудь высунувшуюся изъ непріятельской стѣнки башку.

— Братцы! Глянь-ка, что они дѣлаютъ, лѣшій ихъ подери!—крикнулъ кто-то изъ нихъ, указывая на противоположную сторону.

— Прекратить пальбу!—послышался голосъ командира.

Солдаты, переставъ стрѣлять, со злобой глядѣли на слѣдующую представшую передъ ними картину.

Въ прошлую ночь, во время бывшей вылазки, одинъ изъ солдатъ Охотскаго полка утонулъ въ колодцѣ. Англичане вытащили его оттуда, и вмѣсто того, чтобы похоронить его, выставили его трупъ на своей стѣнкѣ на поруганіе: пусть, молъ, сами русскіе разстрѣляютъ это бездыханное тѣло!

— Скоты!—ворчитъ офицеръ,—лучшаго не могутъ придумать!

Трупъ силуэтомъ выдѣлялся надъ бастіономъ, бѣлѣя надъ нимъ своею изодранною рубахой и развѣвающимися повѣтру волосами.

— Это навѣрно изъ Охотскаго полка,—говорили солдаты.

— Охотцы и ходили тогда.

— Что же, братцы, такъ и будемъ сидѣть на нихъ и глядѣть?—спросилъ болѣе нетерпѣливый.

— Можно и палить будетъ, пожалуй, только надо забирать налѣво, аль направо, чтобы его не задѣть.

— Невзначай задѣнешь, пуля вѣдь дура!

— Лохматка!— кричитъ сигнальщикъ.— Но никто не обращаетъ никакого внимані я на этотъ возгласъ. Взоры всѣхъ устремлены на несчастнаго охотца.

— Надо снять его, братцы!

— Надо, извѣстно.

— Не подойти, пожалуй,—говоритъ матросъ.—Ишь, окаянные, слово горохомъ сыпятъ!

— И пущай сыпятъ!—отвѣчаетъ Кошка,—намъ на это наплевать, а снять надо.

— Не отдавать же его на поруганіе нехристямъ!

— Нешто они нехристи?—вступается какой-то егерь.—Хресты у нихъ тоже есть, самъ видѣлъ.

— Ишь, что сказалъ! Коли они хрещеные, то зачѣмъ они за турку вступаются?—кричитъ матросъ.

Егерь умолкаетъ и, сердито зарядивъ ружье прицѣливается въ какую-то пробѣгавшую фигуру англійскаго смѣльчака.

Выстрѣлъ, фигура какъ то странно подпрыгнула на мѣстѣ и затѣмъ кубаремъ скатилась внизъ.

— Акуратъ арцы!—смѣется Кошка.

— Это ему за Охотца!—говоритъ солдатъ, снова заряжая штуцеръ.

— Однако, ребята, его надо снять!—воскликнулъ офицеръ.— Долго ли ему висѣть тамъ?

— Сымемъ, ваше благородіе!—слышится дружный отвѣтъ.

— Не всѣмъ же сразу,—говоритъ офицеръ, становясь противъ открытой амбразуры, не обращая вниманія на летѣвшій на него цѣлый рой пуль.—Надо двоимъ или троимъ...

— Жеребецъ. Берегись!.. — кричитъ сигнальщикъ.

Какой-то матросъ быстро бросается на офицера и, безъ всякой церемоніи,

оттолкнувъ его, валитъ на землю и прикрываетъ его своимъ туловищемъ.

Раздается оглушительный трескъ, въ воздухѣ со свистомъ пронеслись осколки.

— Вставайте, ваше благородіе,—говоритъ матросъ, подымаясь.

— Спасибо, — отвѣтилъ офицеръ, и, вставъ, тщательно стряхиваетъ съ себя приставшую грязь.

Жеребецъ надѣлалъ дѣловъ: своротилъ часть стѣнки и поранилъ осколками не мало людей.

— Носилки сюда!

— Жарь въ нихъ капральствомъ!—кричитъ офицеръ.

— Есть!..

Проходитъ день и начинаются сумерки.

Фигура Охотца все еще выдѣляется на непріятельской стѣнкѣ, мозоля глаза солдатамъ.

Командиръ бастіона сидитъ въ блиндажѣ, прихлебывая мутный чай, который ему приготовилъ деньщикъ.

Противъ него, согнувшись подъ низкимъ потолкомъ, стоитъ Кошка.

— Васъ сколько пойдетъ?—обращается къ нему командиръ.

— Я одинъ, ваше благородіе.

— Да вѣдь тебя зря убьютъ, а если

даже и не убьютъ, то какъ же ты притащишь за собою тѣло?

— Можно и одному, ваше благородіе

— Ну, какъ знаешь, иди съ Богомъ.

Матросъ повернулся, по формѣ, и, ударившись маковкой въ потолокъ, вышелъ изъ блиндажа.

Уже смеркалось совсѣмъ, когда матросъ, очутившись между своими и непріятельскими батареями, ползкомъ двигался по размягченной дождемъ почвѣ.

Вотъ уже передъ нимъ дымящаяся отъ выстрѣловъ батарея.

На самой стѣнкѣ, наклонивъ голову, смотритъ на него мертвыми глазами трупъ солдата, выставленнаго на всеобщее поруганіе. Въ воздухѣ развѣваются остатки его одежды, изъ подъ которой просвѣчиваетъ желтое тѣло.

Неподалеку люди въ синихъ плащахъ возятся около орудія, собираясь послать въ русскихъ зарядъ. Тутъ же расположились стрѣлки. Вокругъ трупа было пусто, потому что никто, видно, не рѣшался подходить къ нему.

Вдругъ среди нихъ слышится крикъ изумленія и ужаса.

На стѣнкѣ внезапно появляется фигура матроса, и не успѣли всѣ опомниться, какъ онъ, взваливъ трупъ своего земляка

на плечи, спрыгиваетъ внизъ и быстро удаляется.

— Годдемъ! — кричатъ опомнившіеся англичане и посылаютъ вслѣдъ за удальцомъ цѣлый залпъ.

Но Кошка прямо и открыто идетъ впередъ, широко шагая и пригибаясь подъ тяжестью своей ноши.

Но вотъ онъ останавливается, спускаетъ трупъ на землю и, взявъ найденныя имъ по пути англійскія носилки, принимается, въ виду двухъ враждебныхъ позицій, за дѣло: прорѣзавъ въ носилкахъ дырья и просуновъ въ нихъ руки мертвеца, затѣмъ взваливъ все это на спину, онъ шагаетъ дальше.

—Молодецъ, Кошка, молодецъ!—кричатъ ему товарищи, протягивая свои ружья, чтобы помочь ему подняться на свою батарею.

Матросъ, весь запыхавшись, кладетъ мертвеца на землю и садится на лафетъ пушки.

— Ты не раненъ?—спрашиваютъ его окружающіе матросы и солдаты.

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ онъ,—а вотъ ему, сердечному, пожалуй, порядкомъ попало.

Осмотрѣли трупъ и нашли на спинѣ его шесть пуль. Кошка остался совсѣмъ невредимъ.

— По крайней мѣрѣ, его похоронятъ

вмѣстѣ со своими,—говорили солдаты, когда Охотца отправили на носилкахъ на мѣсто вѣчнаго покоя.

Но этотъ вечеръ не кончился для англичанъ однимъ сюрпризомъ: съ ними еще случился новый неожиданный казусъ.

Побѣдные лавры Петра Кошки не давали спать какому-то Донскому казаку, имя котораго, къ сожалѣнію, осталось для насъ неизвѣстнымъ.

— Вотъ, подумаешь, диковина!—говорилъ онъ своимъ землякамъ станичникамъ—мертваго съ бастіона унесъ... вотъ живьемъ взять гличана, это дѣло другое!

— А ты бы попробовалъ!—подзадаривали его казаки.

— За этимъ дѣло не станетъ. Ну, братцы, кто со мною за компанію?.. Одному вѣдь не стащить, барахтаться будетъ.

Компанія быстро составилась и, спустя немного времени, пятеро удальцовъ, пользуясь темнотою, направились къ непріятельскому редуту.

Стоитъ на стѣнкѣ англійскій часовой, напрасно вглядываясь впередъ въ темное пространство... Вотъ онъ, повернувшись, идетъ медленнымъ шагомъ вдоль стѣнки, и вдругъ чувствуетъ—что-то острое кольнуло ему въ затылокъ, и не успѣлъ оглянуться, какъ кто-то потянулъ его

внизъ... И летитъ бѣдняга со своей батареи, крича благимъ матомъ, внизъ, прямо на руки казакамъ.

— Тащите его!—кричитъ одинъ изъ нихъ, отцѣпляя застрявшую въ англiйскомъ мундирѣ, загнутую крючкомъ пику.

Разбуженные и встревоженные крикомъ, англичане выбѣгаютъ на стѣнку и подымаютъ пальбу по бѣгущимъ впередъ казакамъ, но тѣ благополучно достигаютъ съ плѣннымъ до своего бастiона!

И такъ, наступилъ день Новаго года.

Погода была ненастная, становившаяся изо-дня все хуже и хуже, морозъ дошелъ до 10°.

Союзники, не смотря на страданiя въ непривычномъ для нихъ климатѣ, все еще не давали покоя Севастополю и, осыпая его бастiоны своими снарядами, подходили къ нимъ со своими подкопами все ближе и ближе. Въ этотъ день они напали на залегшихъ передъ 4-мъ бастiономъ, въ ложементахъ, нашихъ стрѣлковъ и послѣ короткой схватки выбили ихъ оттуда. И вотъ рѣшено было отомстить имъ. По распоряженiю начальника третьяго отдѣла оборонительной линiи, адмирала Панфилова, отрядъ въ 250 человѣкъ охотцевъ, волынцевъ и 45-го флотскаго экипажа, съ 30 человѣками рабочихъ, собрал-

ся на третьемъ бастіонѣ, подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева.

— Ну, молодцы,—говорилъ лейтенантъ, обходя ряды солдатъ и матросовъ, — ложементы, отбитые отъ насъ непріятелемъ, надо вернуть назадъ, да кстати отплатить за нашихъ, что полегли тамъ.

— Отобьемъ, ваше благородіе! Рады стараться!—дружно отвѣчаютъ молодцы.

Это была ночь на 19 января.

Настала ночь и пошелъ снѣгъ при холодномъ вѣтрѣ.

Въ такую непогодь врядъ ли можно ожидать чьего нибудь нападенія, а потому, на французскихъ бастіонахъ все спокойно и люди грѣются, забравшись въ свои блиндажи.

Въ три часа ночи нашъ отрядъ незамѣтно, среди темноты, приближался къ нимъ.

Закутанный въ свой плащъ ходитъ взадъ и впередъ сильно продрогшій французскій часовой, стараясь отогрѣться на ходу.

Ему очень хочется спать и онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ смѣны. Вдругъ сквозь дремоту слышитъ онъ шаги приближающихся людей.

— Кто идетъ?—крикнулъ онъ, думая, что это идутъ свои.

Отвѣта нѣтъ.

— Кто идетъ? — повторилъ онъ, прислушиваясь.

Шаги утихли и опять настала тишина, прерываемая далекими выстрѣлами прочихъ позицій.

Кто-то кашлянулъ въ темнотѣ.

— Кто идетъ?—опять повторяетъ часовой, отвѣчайте, или я буду стрѣлять!

Опять молчаніе.

— Еще разъ, кто идетъ? — Возвысилъ голосъ часовой и взялъ ружье на изготовку.

— Русскіе!—раздается громкій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ, пронеслось громкое «Ура».

И не успѣлъ податься назадъ часовой, какъ увидѣлъ предъ собою взбирающуюся на стѣнку толпу людей и онъ первый палъ на своемъ посту, пронзенный штыками.

Выбѣжавшіе второпяхъ французы не были въ состояніи удержать врѣзавшихся въ ихъ ложементы русскихъ и, оставивъ на мѣстѣ восемнадцать тѣлъ побѣжали въ свои траншеи.

— За мной! — крикнулъ Бирюлевъ и бросился первый впередъ.

Всѣ бросились за нимъ, и вскорѣ въ

траншеяхъ началась ночная рукопашная схватка.

Французы, подкрѣпляемые своими, бились отчаянно. За лейтенантомъ шагъ за шагомъ слѣдовалъ матросъ Игнатій Шевченко (30-го фл. экип.) и отражалъ своимъ штыкомъ удары, направленные на своего командира.

Вдругъ на Бирюлева, очутившагося какъ-то въ сторонѣ, бросаются нѣсколько французовъ, и напрасно отбивается отъ нихъ лейтенантъ своею саблей, но ожесточенные враги напираютъ на него все болѣе и болѣе.

Его люди, занятые рукопашной работой, не видятъ своего командира, видятъ только Шевченко, который, замѣтивъ устремленные на своего командира вражескіе штыки, быстро побѣжалъ къ нему и заслонилъ его своею грудью...

Принявъ предназначенные своему лейтенанту удары на себя, лихой матросъ, пронзенный штыками, палъ жертвою своего долга и великодушія.

Подоспѣвшіе Кошка и еще нѣсколько съ нимъ человѣкъ успѣли выручить Бирюлева отъ грозившей ему опасности.

Подкрѣпленные новыми силами, французы оттѣснили таки нашихъ, но они, под-

бодряемые Бирюлевымъ, снова съ крикомъ «Ура» устремлялись на непріятельскіе траншеи.

Пять разъ ходили они на эти траншеи, производя тамъ смерть и разрушеніе, и наконецъ отступили, захвативъ съ собою семерыхъ непріятельскихъ нижнихъ чиновъ и двухъ офицеровъ плѣнными.

Отрядъ медленно отступаетъ, по временамъ отстрѣливаясь. Многіе солдаты несутъ захваченные въ бою ружья, патроны и сабли.

За ними уныло слѣдуютъ захваченные французы, окруженные конвоемъ.

— Ваше благородіе!—кричитъ, нагоняя Бирюлева унтеръ-офицеръ,—тамъ что-то неладно.

— Гдѣ?—останавливаетъ лейтенантъ.

— На траншеѣ, ваше благородіе,—кто-то изъ нашихъ остался тамъ и очень ругается; выручить бы?

— Понятно выручить! — соглашается Бирюлевъ и затѣмъ раздается его громкая команда:—кругомъ! на руку! бѣгомъ маршъ!..

Снова раздается зычное «ура» и отрядъ летитъ опять на эту злосчастную траншею!

Опять заработали наши штыки, послѣ

порядочной передряги, успѣли выручить застрявшаго...

— Братцы:—кричитъ выручeнный уцѣпившись за какого-то французика:—тащите и этого! чего онъ связался со мною и ругался?

Потащили и француза, и затѣмъ отрядъ послѣ шестаго нападенія вернулся домой.

Доблесть Игнатія Шевченка была объявлена въ приказахъ по войскамъ, и по Высочайшему повелѣнію семейство его было обезпечено пенсіей.

VIII.

Іеромонахъ Аника.

Въ особенности не нравился французамъ камчатскій люнетъ. Онъ вредилъ имъ больше всѣхъ и постоянно былъ имъ словно бѣльмо на глазу.

Нѣсколько разъ нападали они на него, пробуя взять штурмомъ, но попытки эти были напрасны, несмотря на ихъ храбрость.

Наконецъ, 6-го марта, они рѣшились попробовать еще счастія.

Послѣ сильной канонады, три колонны зуавовъ, одѣтыхъ въ синія турецкаго покроя куртки и въ красныхъ фескахъ, устремились на этотъ люнетъ.

Нужно сказать при этомъ, что французскія войска явились достойными соперниками нашимъ; ихъ стойкость и храбрость въ бою были образцовыми. Но въ особенности выдѣлялись между ними алжирскія войска, называемые зуавами: то были отчаянные головорѣзы.

Вотъ почему нашимъ трудно было противустоять дружному натиску этого отборнаго войска, но три роты волынцевъ подъ командою полковника Свѣщевскаго приняли ихъ штыками такъ хорошо, что зуавы принуждены были отступить.

Оправившись немного, зуавы кинулись на наши ложементы, но тамъ давно ждалъ ихъ батальонъ Якутскаго полка и двѣ роты Томскаго полка подъ командою полковника Бялаго.

Отрядъ этотъ въ сравненіи съ многочисленностью зуавовъ былъ очень невеликъ, но наши солдаты считать враговъ совсѣмъ не умѣютъ... Дружно ощетинившись штыками, бросился батальонъ и двѣ

роты томцевъ, и завязалась жаркая рукопашная...

Какъ ни мужественны были зуавы, но, не будучи въ состояніи выдержать этотъ штыковый натискъ, бросились бѣжать въ свои траншеи обратно.

Батальонъ двинулся за ними, и тутъ пришлось ему схватиться съ 10-мъ войскомъ.

Завязалась опять страшная кровопролитная рукопашная драка, но непріятель словно не убывалъ, хотя якутцы и томцы таяли, подобно снѣгу отъ солнца... Не малое время бились они, но наконецъ устали ихъ руки могучія и потому по данному сигналу они въ полномъ порядкѣ пошли въ свои ложементы, не забывъ захватить съ собою плѣнныхъ: офицера и девять человѣкъ солдатъ.

Итакъ, послѣдняя попытка французовъ взять «Камчатку» была напрасна и стоила имъ большихъ потерь...

На другой день, послѣ этого славнаго дѣла, т. е. 7-го марта, Севастополь понесъ страшную потерю: на Малаховомъ курганѣ, тамъ, гдѣ былъ смертельно раненъ адмиралъ Корниловъ, погибъ другой, доблестный и неустрашимый адмиралъ Истоминъ. Возвращаясь изъ камчатскаго люнета на

свой Малаховъ курганъ, онъ былъ убитъ непріятельскимъ ядромъ.

Во время похоронъ адмиралъ Нахимовъ, безсмѣнно несшій въ числѣ другихъ адмираловъ и генераловъ гробъ своего боеваго друга и собрата, заглянулъ въ склепъ, куда хотѣли поставить гробъ рядомъ съ Корниловымъ, и сказалъ:

— Есть еще мѣсто для одного, хотябы и поперегъ склепа.

Нахимовъ будто предчувствовалъ, что и ему придется лечь тутъ-же на этомъ свободномъ мѣстѣ...

А французы съ большимъ упорствомъ подвигались впередъ своими насыпями и были уже на разстояніи 40 саженей отъ нашихъ ложементовъ.

Нужно было во что бы то ни стало помѣшать имъ, и вотъ занявшій мѣсто Истомина, другой герой, генералъ Хрулевъ, рѣшился вытѣснить ихъ оттуда.

Рѣшено было сдѣлать ночную вылазку съ 10-го на 11-е марта.

Въ 9 часовъ вечера, къ мѣсту назначенія начали прибывать назначенныя для вылазки войска: девять баталіоновъ Камчатскаго, Днѣпровскаго, Волынскаго и Угличскаго полковъ и батальонъ моря-

ковъ подъ командой полковниковъ Голева и Радомскаго.

Ночь была свѣтлая и лунная, хотя погода была довольно бурная.

Войска, благословясь, тихо, почти безъ всякаго шума, двинулись впередъ, выпустивъ передъ собою стрѣлковую цѣпь.

Въ это время, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, по распоряженію адмирала Панфилова, должны были произойти еще двѣ вылазки, одна—подъ командою Бирюлева, а другая—капитана Будищева.

Молча шли люди Хрулева впередъ, ротными колоннами. Сначала ярко свѣтившая луна зашла вдругъ за тучу и вся окрестность погрузилась въ темноту.

Вдругъ, совершенно неожиданно, съ противуположной стороны раздался залпъ и затѣмъ крики: «Vive l'Impereur!» (Да здравствуетъ Императоръ) и «Vive la France!» (Да здравствуетъ Франція)... Оказалось, что французы предупредили насъ. Смущенные неожиданностью, стрѣлки быстро отступили, давъ непріятелю занять наши ложементы.

Хрулевъ остановился и, глядя на огненную линію непріятельскихъ выстрѣловъ, быстро сообразилъ число его и направленіе.

— Четыре баталіона въ атаку!—скомандовалъ онъ.

Зарокотали наши барабаны и четыре баталіона камчатцевъ и днѣпровцевъ двинулись впередъ.

Ихъ встрѣтили цѣлые залпы штуцеровъ и сильный огонь изъ орудій, но они безъ выстрѣла, сомкнувъ ряды, шли дальше.

Быстро, съ громкимъ «Ура», бросились они на свои, занятые врагомъ, ложементы, и принялись выковыривать штыками французовъ. Выбивъ ихъ изъ ложементовъ, они, какъ говорится, на ихъ плечахъ ворвались въ траншею.

Тамъ, въ глубокой ночной темнотѣ, началась страшная кровопролитная рукопашная. Только и было слышно, звяканье штыковъ и сабель, хриплыя восклицанія сражающихся и вопли раненыхъ и умирающихъ... То была страшная бойня, когда люди въ ожесточеніи бросаютъ оружіе и начинаютъ душить другъ друга руками, пуская въ дѣло даже зубы...

Вся эта ужасная картина боя освѣщалась по временамъ вспыхивающими кое-гдѣ огоньками ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ.

Но французы все-таки успѣли податься назадъ и снова начали обдавать наши ба-

таліоны страшными залпами. Къ нимъ въ это время подходило сильное подкрѣпленіе.

Тогда полковникъ Голевъ, призвавъ еще одинъ баталіонъ камчатцевъ, снова наперъ на непріятеля и вытѣснилъ ихъ за вторую линію траншей. Въ это время, моряки быстро разрушали оставшіеся за нами ихъ подступы.

Въ траншеяхъ завязалась новая и еще болѣе свирѣпая рукопашная свалка... Выстрѣлы смолкли уже совсѣмъ, и только слышно было лязганіе штыковъ, хрясканіе череповъ, разбиваемыхъ прикладами, и стоны и проклятья...

Вышедшая изъ-за тучъ луна освѣтила страшную картину этого побоища... Французы, на которыхъ сыпались удары прикладовъ, заваленные каменьями и турами, стойко держались, ожидая себѣ подкрѣпленія.

Въ это время къ французамъ бѣжали свѣжія войска, и тѣ, ободренные, притиснутые было къ своимъ стѣнкамъ, ожесточенно бросились на Русскихъ...

Къ нашимъ же подходили угличане и волынцы и началась новая рѣзня...

Длится бой, а французовъ стало прибывать все больше и больше... Не стало,

видно, у насъ больше силушки и полки начали отступать.

Враги заранѣе торжествуютъ свою побѣду. Съ громкими криками налетаютъ ихъ цѣлыя колонны на наши растроенные ряды... Ихъ ужь стало такъ много, что нашихъ кажется малая горсть..

Наши уже отступаютъ повсемѣстно... И вдругъ въ самомъ разгарѣ этого отступленія, раздается громкій голосъ, поющій тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

И видятъ всѣ, какъ прямо въ ряды отступающихъ идетъ монахъ въ эпитрахили и съ высокоподнятымъ крестомъ въ рукѣ...

— Гляди, батюшка!—загудѣли солдаты.—Отецъ Аника! За нимъ братцы...За Честный Крестъ идемъ!..

А отецъ Аника (т. е. іеромонахъ Іоанникій Савиновъ) все идетъ впередъ, прямо на непріятеля, поднявъ высоко сверкающій при лунномъ свѣтѣ золоченый крестъ... За нимъ густою толпою слѣдуютъ ободренные солдаты, къ которымъ, при видѣ священнаго изображенія Спасителя распятаго на немъ снова вернулась бодрость и прежняя могучая всесокрушающая сила!

— Побѣды, Благовѣрному Государю Нашему Александру Николаевичу... —

громко раздается голосъ іеромонаха и вдругъ прерывается, потому что какой-то французъ бросился на него и взмахомъ своего штыка разодралъ его эпитрахиль, но подоспѣвшій юнкеръ Нагребецкій ударомъ приклада положилъ его на мѣстѣ.

Снова грянуло «Ура», но такое страшное, какое можетъ только кричать разъяренное оскорбленіемъ святыни православное войско. Предводимые Аникой солдаты, буквально понесли французовъ на штыкахъ... Непріятель положительно бросился бѣжать, оставляя свои укрѣпленія за нами. Вотъ наши прорвались за вторую непріятельскую линію, нанося по всюду истребленіе и смерть...

Но далѣе насъ уже готовилась встрѣтить многочисленная непріятельская армія, могущая задавить своею численностью эту малую горсть храбрецовъ.

Предвидя угрожающую опасность, Хрулевъ велѣлъ трубить отступленіе.

— Слышите, ребята, отступленіе трубятъ!—кричали своимъ солдаты и офицеры.

— Вретъ французъ — это онъ надуваетъ нашими сигналами!

— Степанъ Александровичъ (Хрулевъ) приказалъ намъ ломить.

— Ломи ребята, «ура»!

И ломятъ разгулявшіеся солдаты, совсѣмъ не разбирая, какая супротивъ ихъ еще свѣжая сила идетъ...

Напрасно посылаетъ Хрулевъ своихъ ординарцевъ одного за другимъ, чтобы остановитъ сражающихся, но это уже дѣлается невозможнымъ; ожесточенные герои, знай себѣ ломятъ!

При Степанѣ Александровичѣ не остается уже ни одного ординарца... Всѣ разосланы и никто изъ нихъ не вернулся. Навѣрно и они, увлеченные, тоже приняли участіе въ этомъ боѣ.

Дѣлать нечего, пришлось ѣхать самому.

Въ это время подоспѣли французскія дивизіи, предводительствуемыя Мейраномъ и Брюне, и открыли по нашимъ баталіонамъ сильнѣйшій огонь. Выдвинувшіяся впередъ небольшія группы ожесточенно дерущихся солдатъ могли быть истреблены поголовно, безъ всякой пользы.

На встрѣчу Хрулеву шелъ раненый Іоанникій Савиновъ, держа въ рукѣ перебитый крестъ.

— Остановите ихъ, о. Іоанникій!—обратился къ нему генералъ,—они только васъ теперь послушаютъ?

Изнемогающій отъ раны о. Аника, по

возможности скорѣе, пошелъ къ мѣсту сраженія.

Послѣ долгихъ горячихъ убѣжденій, насилу удалось уговорить солдатъ прекратить бой. Нехотя повиновались увлеченные герои и, забравъ своихъ раненыхъ, двинулись назадъ. А на встрѣчу имъ бѣжали все новые и новые охотники подраться.

— Куда васъ нелегкая?..

— Пустите братцы, тамъ «уру» шумятъ!

Ихъ едва можно было удержать и вернуть обратно.

Такъ кончилась эта вылазка, стоившая намъ не дешево: выбыло изъ строя 46 офицеровъ и 1,596 нижнихъ чиновъ! Не мало было истреблено и французовъ.

Къ отступающему отряду присоединились съ двухъ сторонъ отряды Будищева и Бирюлева.

Они тоже поработали хорошо и вернулись не съ пустыми руками:

Будищевъ направилъ свой отрядъ на оконечность праваго фланга англійской траншеи; бывшіе подъ его командой греки опрокинули собою два полка и, ворвавшись въ траншею, заклепали тамъ нѣсколько мортиръ, и въ тоже время Бирю-

левъ оттѣснилъ англичанъ изъ траншей на Зеленой горѣ.

Кромѣ забраннаго оружія, ими были взяты въ плѣнъ: командиръ полка Колли инженерный капитанъ Монтегю и 12 рядовыхъ.

Заключеніе.

IX.

Этимъ я заканчиваю краткую картину перваго періода Севастопольской обороны, познакомивъ читателя съ героями этой войны.

Неустрашимость защитниковъ не знала предѣловъ. Приходилось не ободрять ихъ и поощрять, а даже, наоборотъ, *удерживать* ихъ отъ излишней храбрости и явнаго пренебреженія къ смерти. По этому поводу адмиралъ Нахимовъ, самъ не знавшій страха, отдалъ слѣдующій достопамятный приказъ:

«Чтобы при открытіи огня съ непріятельскихъ батарей не было лишнихъ людей на открытхъ мѣстаыхъ и при ору-

діяхъ. Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющее доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допускаемо частными начальниками. Надѣюсь, что дистанціонные начальники обратятъ на это полное вниманіе и раздѣлятъ офицеровъ и солдатъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ; при этомъ прошу внушить, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь каждаго отличить храбрость въ своихъ поступкахъ отъ удальства».

Между тѣмъ, самъ издавшій этотъ приказъ обладалъ именно такими качествами, отъ какихъ онъ предостерегалъ. Постоянно находясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, онъ спокойно осматривалъ сквозь зрительную трубу непріятельскія позиціи, не обращая вниманія на сыпавшіеся вокругъ него пули и пушечные снаряды. Такъ Богъ хранилъ его до 28-го іюля.

Въ этотъ печальный для севастополь-цевъ день Павелъ Степановичъ Нахимовъ объѣзжалъ оборонительную линію. Отправляясь съ 3-го бастіона на Малаховъ курганъ (Корниловъ бастіонъ), осы-

паемый ядрами и пулями, адмиралъ улыбаясь сказалъ своему адъютанту:

— Тутъ какъ будто и дышать веселѣе-съ! Онъ стоялъ на бастіонѣ и разсматривалъ въ трубу непріятельскія работы. Пули жужжали вокругъ него и попадали даже въ мѣшокъ, на который онъ оперся.

— Хорошо цѣлятъ, мошенники, очень хорошо-съ!—похвалилъ онъ французовъ.

Это было наканунѣ его имянинъ. Къ нему подошелъ начальникъ Малахова кургана, капитанъ 1-го ранга Кернъ, и началъ уговаривать его сойти съ банкета, такъ какъ адмиралу угрожала опасность.

Въ эту минуту свиснула бомба и уложила сразу трехъ человѣкъ; Нахимовъ оглянулся и вдругъ упалъ: пуля ударила ему въ високъ.

Черезъ два дня, въ 11 часовъ утра, герой скончался.

И прозвали защитники этотъ Малаховъ курганъ проклятымъ мѣстомъ, такъ какъ на немъ погибли три доблестные адмирала: Корниловъ, Истоминъ и Нахимовъ!

А какъ смотрѣлъ Нахимовъ на прочихъ радѣтелей солдатскихъ, показываетъ слѣдующій случай. Разъ онъ стоялъ во время сильной перестрѣлки на самомъ

опасномъ пунктѣ. Одинъ изъ севастопольцевъ рѣшился замѣтить ему:

— Что будетъ тогда, если Севастополь васъ утратитъ?

— Не то вы говорите-съ!—отвѣтилъ адмиралъ, нахмурясь:—убьютъ-съ меня, убьютъ-съ васъ,—это ничего-съ. А тосъ какъ израсходуютъ Тотлебена или князя Васильчикова—не сдобровать-съ и Севастополю-съ!

6-го декабря 1854 года Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: мужественнымъ войскамъ, защищающимъ Севастополь, зачесть за годъ службы *каждый мѣсяцъ*, по всѣмъ правамъ и преимуществамъ.

И никакая награда не могла поощрить усердія людей, какъ поощрила ихъ эта щедрая Высочайшая милость.

Но и тутъ не обошлось безъ комическаго случая.

Явился одинъ герой, считающійся по формуляру 11 лѣтъ на службѣ. Но этотъ *старый* служака оказался на видъ черезчуръ юнымъ, несмотря на его украшенную Георгіевскимъ крестомъ грудь!

— Тебя какъ зовутъ?—спросили его по-окончаніи войны.

— Николка! — бойко отвѣтилъ кавалеръ.

— Сколько же тебѣ лѣтъ отъ роду?

— Десять лѣтъ и девять мѣсяцевъ!

Оказалось, что этому прослужившему 11 л. на бастіонахъ, *еще не хватало до рожденія трехъ мѣсяцевъ*, по Высочайшему указу.

— Вотъ чѣмъ отличился этотъ мальчикъ.

На батареѣ 5-го бастіона, комендору Тимофею Пищенко прислуживалъ десятилѣтній сынъ его Николка. Въ день втораго бомбандированія комендоръ былъ убитъ и Николка, похоронивъ отца, остался на батареѣ. На редутѣ Шварца онъ увидѣлъ какъ-то девять небольшихъ мортиръ. Выпросивъ позволеніе выстрѣлить изъ мортиры, онъ выполнилъ это очень удачно и ловко, что ему и дозволило поступить на мортирную батарею стараго матроса. Когда матросъ былъ убитъ, Николка замѣнилъ его и справлялся какъ нельзя лучше: даромъ не выпускалъ ни одного снаряда. Онъ былъ награжденъ медалью, а потомъ, по общему приговору, Георгіевскимъ крестомъ.

Упомянутая въ началѣ этого разсказа первая сестра милосердія Дарья Александровна устроила въ своей убогой хижинѣ лазаретъ, въ которомъ постоянно лежатъ офицеры и матросы. Матросъ Петръ Кош-

ка произведенъ въ унтеръ-офицеры и ему пожалованъ Георгіевскій крестъ.

И такъ, въ этомъ короткомъ разсказѣ, какъ блестящій метеоръ, промелькнули мимо насъ истинные и безтрепетные герои, начиная отъ начальниковъ и кончая (не будемъ говорить о матросахъ и солдатахъ) тѣми, которые по существу своему не могутъ быть таковыми: это—женщины и малыя дѣти.

Но пока довольно: война въ этой книжкѣ еще не кончилась и мы встрѣтимся съ ними во второй.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
„ „ 193 г.

ИЗДАНІЕ

Книгопродавца

Д. Ф. Кузина

Въ С. Петербургѣ

Апраксинъ Дворъ № 119.

Въ Москвѣ

Лубянская площ. д. Импер. Человѣк. Общества.

Хромо-Литографія М. А. Козлова Измайловскій пр. д. №7.